
ОГОНЁК
28 ИЮЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А. Азарян, участник первенства мира по гимнастике в Москве.

Фото А. Бочинина.

На первой странице обложки: Восьмидесятилетний пенсионер Григорий Андреевич Скиба, много лет проработавший токарем на Ростовском заводе сельскохозяйственного машиностроения, с увлечением занимается садоводством. На своем участке в коллективном рабочем саду Ростсельмаша он построил домик и проводит в нем лето.

Фото Риммы Лихач.

На последней странице обложки: В Астраханском заповеднике. Цветет лотос.

Фото Ю. Кривоносова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 28 (1621) 6 июля 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ПУТЬ-ДОРОГУ!

Шумно в эти дни в комсомольских комитетах вузов. Закончился учебный год, сданы все экзамены. А впереди еще один очень важный экзамен — на знание подлинной жизни. Будущие инженеры, врачи, педагоги готовятся в путь-дорогу на целинную жатву, на большие стройки, подшефные комсомолу. Горячо откликнулись они на призыв партии поехать на уборку богатого целинного урожая, туда, где сейчас особенно нужны крепкие молодые руки.

На снимке студенты второго и третьего курсов Московского института стали: В. Цурков, Р. Маранц, Е. Гальперина, В. Симурзин, В. Калинин, И. Сибирева, В. Тимонин, Н. Пирогов, А. Шляфирнер.

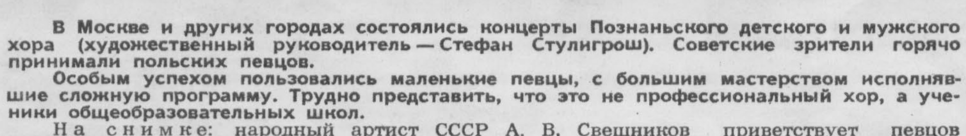
Студенты второго курса поедут работать на целинные земли Северо-Казахстанской области, студенты третьего курса будут работать на стройках.

Счастливого пути, успеха вам в труде — на стройках, на нивах хлебородных!

Фото А. Новикова.

В Москве и других городах состоялись концерты Познаньского детского и мужского хора (художественный руководитель — Стефан Стулигрош). Советские зрители горячо принимали польских певцов.

Особым успехом пользовались маленькие певцы, с большим мастерством исполнявшие сложную программу. Трудно представить, что это не профессиональный хор, а ученики общеобразовательных школ.

На снимке: народный артист СССР А. В. Свешников приветствует певцов Познаньского хора.

Фото А. Чепрунова.

2 июля в Москву с официальным дружеским визитом прибыли Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии, Президент Чехословацкой Республики товарищ Антонин Новотный и сопровождающие его лица. Визит дорогих гостей послужит укреплению горячей и сердечной дружбы, существующей между народами Советского Союза и Чехословакии.

На снимке: встреча чехословацких гостей на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

ШОСТАКОВИЧ — ДОКТОР ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ежегодно в Оксфордском университете устраивается церемония посвящения в почетные звания этого старинного английского университета. Торжественное заседание ведется на латинском языке и называется «энкенией».

Традиционная «энкения» этого года была необычной отнюдь не потому, что на ней почетное звание доктора права получали два парламентских противника — британский премьер-министр Макмиллан и лидер лейбористской партии Гэйтскелл. Впервые почетное звание в Оксфордском университете и ало-белую мантию доктора музыки получал представитель советской культуры — народный артист СССР Д. Д. Шостакович.

«Даже самоуверенность Макмиллана, — свидетельствует лондонская газета «Ньюс кроникл»,— не могла отнять у советского композитора Дмитрия Шостаковича той бури восторгов, которая выпала на его долю. Безусловно, Шостакович был объектом самого большого внимания со стороны собравшейся публики».

С самим Д. Д. Шостаковичем мне довелось встретиться в Лондоне на следующий день после церемонии. Встреча произошла через несколько минут после возвращения композитора из Оксфорда, в то время, когда корреспонденты английской печати лично и по телефону засыпали советника по вопросам культуры советского посольства вопросами о Шостаковиче.

Когда я спросил Д. Д. Шостаковича о его впечатлениях, он ответил:

— Должен сказать, что перед началом церемонии я изрядно волновался. Как-никак этот ритуал насчитывает не одну сотню лет.

Я думаю,—продолжал Дмитрий Шостакович,— что присвоение советскому деятелю впервые за последние сорок лет почетного звания доктора Оксфордского университета,—несомненно, положительное событие. Ведь это новый шаг в культурном сотрудничестве между Великобританией и Советским Союзом.

Я рассматриваю присвоение мне почетного звания как высокую оценку, которая дается в Англии советской музыкальной культуре вообще.

Я хотел бы, — сказал в заключение Дмитрий Шостакович, — выразить самую искреннюю признательность за оказанное мне в Оксфорде хорошее и большое гостеприимство.

А. ГАН

Лондон.

Д. Шостакович (второй слева) в Оксфорде после церемонии.

Гости «Огонька»

В гостях у редакции журнала «Огонек» побывали известные чехословацкие инженеры-путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд. На легковой машине «Татра» они совершили два больших путешествия по 48 странам. В Советском Союзе хорошо знают фильмы, заснятые путешественниками в Африке и Южной Америке, и трехтомное издание «Африка грез и действительности». Недавно они закончили очередной том репортажа о Южной Америке.

Сейчас Ганзелка и Зикмунд завершают подготовку к новому путешествию, которое продлится пять лет. Вместе с ними на двух грузовых машинах «Татра» отправятся в путь механик и врач. Дорога пройдет через 42 страны, в том числе и через Советский Союз, который они пересекут с востока на запад. О своих впечатлениях, об увиденном в этой трудной и интересной поездке Ганзелка и Зикмунд будут рассказывать и на страницах журнала «Огонек».

На снимке: Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд.

Редакцию журнала «Огонек» посетил известный японский писатель Иосиэ Хотта, автор популярных в Японии романов «Обелиск» и «Ночной лес». В 1956 году Иосиэ Хотта принимал участие в конференции писателей стран Азии в Дели.

ПУСТЬ РАСКАЧИВАЕТСЯ МАЯТНИК!

А. СЕРБИН

Книгу в красной обложке я увидел у одного из членов делегации американских профессоров, находящихся сейчас в Советском Союзе. Книга называлась «Образование в СССР». Она была напечатана в прошлом году в правительственной типографии Соединенных Штатов.

Пером составителей этой книги водило далеко не дружеское отношение к Советской стране и даже не стремление объективно изложить читателю систему нашего образования. И все же, вопреки этому, на своих двухстах страницах книга содержит достаточное количество фактов (а факты — вещь упрямая!), чтобы непредубежденный американский читатель представил себе огромный размах и подлинную народность нашего образования. Характерно, что книга уже дважды издавалась в США дополнительными тиражами, последний раз в этом году. Таково знамение времени — успехи советской науки пробудили острый интерес к системе подготовки научных кадров в нашей стране, и американский государственный аппарат тоже не оставил это без внимания.

На снимке (справа налево): Дж. Туркевич и профессор Г. Нильсен беседуют с профессором В. В. Воеводским в Институте химической физики Академии наук. Стоят (справа налево): профессор Р. Густавсон и заместитель директора института В. Н. Кондратьев.

Об этом интересе свидетельствовали и слова американских гостей.

— Можете нам поверить, — говорили они, — что ваша система образования обсуждается у нас часто. Особенно после спутников!

Американские профессора приехали в Москву как гости Министерства высшего образования СССР в соответствии с советско-американским соглашением о культурном обмене. Советское высшее образование и связь его с научно-исследовательской работой — вот что интересует гостей в первую очередь. Этой цели служат и продолжительные разговоры с профессорами в вузах, и посещение студенческих вечеринок после экзаменов, и случайная встреча в парке со студентами, и визит в Академию наук.

— То, что я увидел здесь, в основном соответствует моим представлениям. Существующая здесь система высшего образования позволяет находить и воспитывать выдающихся ученых,— говорит глава делегации профессор химии Принстонского университета Джон Туркевич.— С другой стороны, в высшую школу вовлечены широкие массы. Я видел ваших студентов и могу сказать лишь одно: они полны энтузиазма, что так важно для научного работника, и я был бы готов взять их для работы в своей лаборатории.

В Соединенных Штатах Джон Туркевич выступает пропагандистом укрепления связей между советской и американской наукой. Одно время он редактировал журнал, где печатались работы советских ученых. Недавно он вместе со своей супругой, лектором по русской литературе Принстонского университета, закончил составление специального учебника русского языка для научных работников.

Американским гостям предоставлены все возможности ознакомиться с системой высшего образования и научно-исследовательской работой. Мы спросили у Фрэнсиса Брауна, одного из руководителей Американского совета по образованию, о его впечатлениях.

— Я приехал сюда с открытыми глазами,— сказал мистер Браун.— И должен сказать, что большое впечатление на меня произвело то, как быстро вы развиваетесь, особенно в области образования. Такие посещения помогают устранять неправильные представления, а это в конечном счете будет укреплять взаимопонимание и мир.

О быстром развитии нашей страны в области подготовки научных кадров и специалистов говорили и другие делегаты, в частности профессор зоологии и микробиологии Гарольд Плу.

Гости продолжают свою поездку по Советскому Союзу, и впереди у них еще много интересного. В заключение беседы Джон Туркевич сказал:

— Связь между учеными наших стран мне хотелось бы сравнить с маятником, который все сильнее раскачивается. Сначала одна сторона дает толчок, потом такой же толчок следует с другой стороны. Важно, чтобы эти толчки были сильными и постоянными, чтобы они давались в правильном направлении и чтобы размах становился все большим.

Этот день чем-то напомнил недавний фестиваль: сколько улыбок, песен, солнца, музыки, сколько радостного задора юности! Чудесный праздник—День советской молодежи — был проведен 29 июня впервые и отныне станет традицией, повторяющейся из года в год.

На снимке: парад на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

Фото В. Кругликова и С. Раскина.

ПУТЕШЕСТВИЕ,

Панама.

КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ

А. СОФРОНОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

ПОВТОРИТЬ

Утром одна из панамских газет сообщила: «Сегодня русские журналисты вылетели в Мексику».

Это сообщение вызвало невольную улыбку у нас. Вместе с этим панамские газеты поместили объективную и очень доброжелательную информацию о том, как мы провели день в городе. Фабиан Веларде действительно недаром ездил с нами к Панамскому каналу. Опубликовав репортаж на нескольких страницах, он очень подробно сообщал читателям содержание наших бесед.

Доброжелательное отношение панамской печати к нашему визиту не вызывало сомнений. Сомнения вызывало отношение авиакомпании «Панагра» к своим пассажирам.

У подъезда отеля нас ожидали машины. Один из шоферов, прежде чем отправиться к аэродрому, сказал:

— Поверьте, господа, все, что написано в газете, неправда.

— Как неправда? Газеты изложили все объективно.

— Это так. Но в одной газете есть и такой момент.— И он показал нам страницу. Там было напечатано: «Во время прогулок по городу русские журналисты пытались шоферу «прочистить мозги». — Шофер вздохнул. — Я человек честный и хочу, чтобы вы уезжали, зная все. Ко мне действительно подходил вчера какой-то человек, предлагал двадцать долларов за то, что я скажу о вас что-либо плохое... Но я ответил, что русские — хорошие ребята и никакой пропаганды не вели... Просто расспрашивали, как я живу.

— Не огорчайтесь, — сказали мы этому парню и сели в машины.

День был пасмурный, вполне соответствовавший нашему настроению. Снова машины помчались мимо маленьких окраинных домиков, мимо пышных реклам и пальмовых рощ.

На аэродроме было пусто. Изредка слышался голос телефонистки, сидевшей у доски коммутатора. Дремала продавщица сувениров, склонив голову на стекло витрины.

Нас поместили в комнату для почетных гостей, где гуляли студеные ветры воздушного охлаждения. Представитель «Панагры» сказал:

— Когда и куда вы полетите, еще неизвестно, к обеду этот вопрос выяснится.

Выяснится так выяснится; мы обратились к своим записным книжкам. Но фотокорреспондент журнала «Советский Союз» Анатолий Гаранин, записывавший не так уж много, сказал:

— Я хочу посмотреть свой чемодан. У меня там пленка.

Мы не стали его удерживать, и он с Вадимом Поляковским ушел в таможню. Через двадцать минут Гаранин вернулся с побелевшими губами и молча положил перед нами три застежки чемоданных замков.

— Чемоданы взломаны!

— Как так?!

Несколько человек из нашей группы отправились в таможню. На дверях кладовой висели два замка. Один замок авиакомпании, другой — таможни. Порознь открыть кладовую нельзя. Открывают только вместе — представитель «Панагры» и представитель таможни. Мы попросили показать нам чемоданы. Что же можно было сказать по этому поводу? Чемодан Грибачева был также взломан, мой открыт, у Краминова, который, как он сказал, никогда чемодан не закрывает, наоборот, закрыт, и нам пришлось подбирать ключи, чтобы открыть его. Таможенники молча стояли перед нами. Один из них шепнул: «В полночь явилась полиция зоны канала и потребовала открыть кладовую. Мы здесь не хозяева».

Махнув рукой на чемоданы, мы ушли из таможни.

Представитель «Панагры» понуро шел за нами. В полдень на короткое время аэродром ожил. Ушли самолеты на Нью-Йорк — направление, указанное в наших билетах. На аэродроме появились три американских журналиста с фотоаппаратами, неотступно бродивших за нами. На все наши вопросы «Панагра» отвечала молчанием: «Пока ничего не знаем». Мы позвонили в МИД и попросили сеньора Леви приехать на аэродром. Через некоторое время он приехал в сопровождении начальника эмиграционного отдела МИДа и директора панамского отделения «Панагры». Сеньор Леви был смущен: видно, вся эта история была ему не по душе.

— Соединенные Штаты отказали вам в транзите через Нью-Йорк.

— Куда же мы полетим?

В разговор вступил администратор «Панагры»:

— У нас есть предложение. Вы полетите до Лимы, затем через Бразилию и Португалию в Испанию.

— В Испанию?

— Да.

— Но у нас ни в одну из этих стран также нет виз.

— Мы договорились с бразильской авиакомпанией...

— Нет, мы туда не полетим!

Администратор ушел и через некоторое время вернулся.

— В два часа ночи из Нью-Йорка придет самолет, он летит через Лиму, Сант-Яго в Буэнос-Айрес. Полетите этим?

— Очень хорошо. Из Буэнос-Айреса началось наше путешествие.

Сеньор Леви был доволен.

Мы отправили в советское посольство в Буэнос-Айрес телеграмму и снова остались одни.

Где-то около шести часов вечера в комнату вошли три американских корреспондента. Один из них вынул из карманов две бутылки виски и поставил на столик. Корреспондентка американского журнала «Вижион» Хинди Даймонд вытащила из сумки сверток сандвичей и разложила их на столе. Вскоре появился официант с посудой. Мы с удивлением смотрели на это бесцеремонное гостеприимство. Хинди Даймонд по-хозяйски разливала виски по бокалам, а потом сказала:

— Пейте, господа.

— Спасибо, нет желания...

— Но я прошу вас, мне нужно сделать для журнала снимки.

После этого она взобралась на диван.

— Прошу вас, господа... Я начинающий фотокорреспондент, помогите сделать мне мой маленький бизнес.

И она и корреспондент журнала «Лайф» Брюс Хендерсон безостановочно щелкали аппаратами.

Мы сидели в стороне от столика с виски и улыбались, глядя на

этот спектакль. Видимо, почувствовав, что все это выглядит не очень красиво, Хинди и ее друзья подсели к столику и спрятали фотоаппараты. Мы спросили их, указывая на сандвичи и бутылки виски:

— Зачем вы все это устраиваете?

— Из чувства солидарности.

— Но поверьте, что эта солидарность несколько странновата.

— Почему? — не понял нас редактор газеты «Пан-Америкэн», седовласый «бродяга из Новой Зеландии», как он нам представился.

За столом тянулась какая-то вежливая беседа ни о чем, показывавшая, что американские журналисты коротают время, ожидая каких-то более интересных событий. Потом вдруг раздался телефонный звонок. Звонили из Буэнос-Айреса. Работник нашего посольства в Аргентине сообщал, что визы для нас запрошены. «Ожидаем вас с нетерпением. Будьте здоровы!» — прозвучало в телефонной трубке.

— Кто звонил? — спросила Хинди.

— Наши друзья из Буэнос-Айреса.

— А что они спрашивали?

— Интересовались нашим здоровьем.

Часов в десять в комнате появились два работника «Панагры». Один из них, с тонкими усиками (ох, эти усики!), держал в руке пачку чистых анкет для туристов, посещающих Перу.

— Вот, заполните, — сказал он, бесцеремонно протягивая анкеты.

— Но мы не собираемся оставаться в Перу.

— Нет, у вас в Лиме пересадка, и вам придется задержаться... Дальше вы полетите через Бразилию, в Португалию...

— Но мы днем договорились, что летим в Буэнос-Айрес...

— Нет, вы не летите в Буэнос-Айрес! Это решено.

— Кем решено?

— Решено. А кем — неважно.

— Мы требуем сказать, кем решено.

— Заполняйте анкеты!

— Мы не будем заполнять анкеты и требуем сказать, кто изменил наш маршрут.

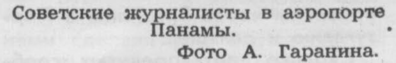
Человек с усиками растерялся:

— Мы маленькие люди... Нам приказано...

— Пусть придут сюда те, кто вам приказал!

Представители «Панагры» ушли.

Советские журналисты в аэропорте Панамы.
Фото А. Гаранина.

Комната для почетных гостей вдруг стала заполняться незнакомыми людьми, с любопытством рассматривавшими нас. Их становилось все больше. Мы снова взялись за телефон. Разыскали сеньора Леви — он был в театре. Разыскали администратора «Панагры». Хинди Даймонд взяла трубку:

— Им нужно лететь в Буэнос-Айрес...

Служащий «Панагры» вырвал у нее трубку.

— Это не ваше дело, убирайтесь отсюда к черту!

Хинди Даймонд ушла. Корреспондент «Лайф» и «бродяга из Новой Зеландии» остались.

Один из служащих аэропорта, панамец, наблюдавший все это, шепнул: «Правильно, не соглашайтесь на Лиму»,— и сунул мне конверт с марками — «на память о Панаме».

В полночь приехали сеньор Леви и один из администраторов «Панагры». С приездом представителя панамского МИДа комната опустела. Кто-то сказал:

— Нечистые духи исчезли с появлением ангелов.

После некоторых, уже спокойных переговоров пришли к соглашению: нам выдают билеты до Буэнос-Айреса. Сеньор Леви позвонил аргентинскому послу в Панаме: не возражает ли он против нашего вылета в Буэнос-Айрес?

— Нет, конечно, — сказал посол по телефону, — я уверен, что все будет в порядке.

Самолет из Нью-Йорка опаздывал на два с лишним часа. Мы обратились к сеньору Леви:

— Мы понимаем, что вам трудно, но просим вас остаться с нами до отхода самолета.

— А как же может быть иначе? Я уеду с аэродрома только тогда, когда ваш самолет поднимется в воздух.

Потом мы сидели с сеньором Леви и вели неторопливую беседу о песнях Панамы. Он искренне сожалел о том, что нам не удалось познакомиться с искусством панамского народа. Я рассказывал ему о замечательном песенном и танцевальном творчестве народов Аргентины и Чили, которое нам довелось узнать. Сеньор Леви вдруг поднялся, сказал:

— Прошу меня извинить.— И ушел.

Через несколько минут он вернулся, неся в руке патефонную пластинку в пестрой оболочке.

— Вот, — сказал он, — приедете в Москву, послушайте: это песни Панамы, самые красивые на всем нашем континенте.

Мне оставалось только поблагодарить милого сеньора Леви.

— О, что вы! — сказал он. — Я, видите ли, сам немного пою. У меня тенор... И даже есть одна пластинка, где я пою под наш национальный оркестр. К сожалению, этой пластинки здесь нет.

— Не занимаетесь ли вы и литературой? — спросил я собеседника.

— Я очень люблю литературу...

Когда у меня будет время, думаю, что напишу «Записки начальника протокола МИДа»: у меня богатый запас впечатлений... Нас недавно посетила английская королева Елизавета, мы девять месяцев готовились к ее приезду... Много сложностей было с туалетами для парадных приемов. У нас климат несколько иной, чем в Англии, люди привыкли ходить легко одетыми... Но королева осталась довольна. Она даже вызывала меня на корабль и сказала, что решила задержаться в Панаме на полчаса лишних по этому поводу... Нас посещали президент Эйзенхауэр и много других выдающихся личностей... Все остались довольны. У меня очень богатый материал для воспоминаний...

Медленно тянулось время. Ко мне подошел панамец, подаривший мне почтовые марки, и сказал:

— Я по убеждениям правый, консерватор, но глубоко возмущен тем, что делают с вами.

— А что делают с нами?

Панамец смутился:

— С вами поступают нехорошо, не по-человечески...

Наконец в темноте послышался рокот моторов: совершил посадку опоздавший самолет «Панагры».

Мы сердечно простились с сеньором Леви и другими панамцами, оказавшимися к моменту отхода самолета на аэродроме. На выходе нас встретил корреспондент «Лайф».

— Прошу вас, господа, последняя просьба: когда будете подниматься в самолет, обернитесь, мне нужно сделать заключительный снимок.

Мы выполнили последнюю просьбу корреспондента «Лайф».

Было пять часов утра. Третья бессонная ночь. Видимо, поэтому мы все заснули еще до того момента, когда самолет поднялся в темное небо и взял курс на юг. Уже утром мы совершили посадку в Эквадоре. Приоткрыв глаза, я увидел в окошке самолета угол красной черепичной крыши, какие-то красные цветы на ветках и снова уснул до того момента, пока самолет не начал снижаться

Хинди Даймонд делает свой бизнес.
Фото А. Гаранина.

над Лимой. Перед посадкой в Лиме мы сказали друг другу: во время стоянки не выходим. Но... когда самолет подкатил к аэропорту, мы увидели встречавших нас перуанских журналистов, с которыми познакомились в Буэнос-Айресе в президентском дворце во время торжественного акта передачи власти от Арамбуру президенту Фрондиси. Что делать? Принимаем решение: половина группы остается в самолете, половина выходит. Спускаемся на землю и попадаем в объятия наших новых друзей. Но представитель полиции говорит:

— Господа, просим вернуться в самолет.

Какой-то служащий протягивает телеграмму от советского посла в Аргентине Костылева. Успеваем прочесть: «Все в порядке. Визы получены. Ждем в Буэнос-Айресе».

И тут же слышим голос администратора «Панагры»:

— Русские журналисты должны покинуть этот самолет. У них будет здесь пересадка с остановкой в отеле, после чего они будут направлены через Бразилию в Португалию и дальше...

Сколько противоречивых сообщений и приказаний! Мы возвращаемся в самолет. За нами — толпа перуанских журналистов и администраторы «Панагры». В окно самолета видим, как на тележку грузят наши чемоданы. Потрясающая оперативность! Администратор «Панагры» наседает:

— Мы требуем, чтобы вы освободили самолет.

— У нас билеты до Буэнос-Айреса.

— Это неважно. Есть другое решение.

— Чье решение?

Дальше начинается сказка про белого бычка. Сообщаем, что у нас есть телеграмма нашего посла о том, что визы для въезда в Аргентину имеются.

— Ничего подобного, визы отменены!

— Как же так? Утром получены и утром же отменены?

— Да.

— Соедините нас по телефону с нашим посольством в Буэнос-Айресе.

— Это будет трудно, — говорит представитель «Панагры». Тут же вмешиваются в беседу разобравшиеся, в чем дело, перуанские журналисты:

— Почему трудно? Телефонная связь с Буэнос-Айресом отличная. Мы поможем нашим советским коллегам.

В сопровождении нескольких перуанцев в аэропорт отправляются Вячеслав Чернышев и Вадим Поляковский. Перуанские журналисты засыпают нас вопросами:

— Ваши впечатления о встречах в Аргентине и Чили?

— Что было с вами в Панаме?

Один из журналистов говорит:

— О вас много и дружелюбно писали чилийские и аргентинские газеты.

— Да, это верно. Там много хороших людей.

— У нас тоже много хороших людей. Вас пришли встретить журналисты, только вчера выпущенные из тюрьмы за участие во встрече Никсона.

— А как же они встречали Никсона?

— А так же, как и весь наш народ.

Нам протягивают журнал «1958-й год», издающийся в Лиме. В журнале гневные статьи о колониальной политике Соединенных Штатов в странах Южной Америки и соответствующая оценка визита Никсона.

— Что вы думаете о свободе печати? — спрашивает кто-то из перуанцев.

— Очень уместный вопрос в данной ситуации, — отвечает под смех журналистов Алексей Аджубей.

Самолет уже стоит в Лиме два часа. Администрация аэродрома просит местных журналистов покинуть самолет. Появляются Чернышев и Поляковский. Еще у входа сообщают:

— Говорили с нашим послом. Все в порядке, нам даны визы для пребывания в Аргентине еще на семь дней.

Администраторы «Панагры» не сдаются:

— Запоздалые данные. Визы отменены. У нас есть телеграмма.

— Но мы только что говорили с нашим послом.

— Визы отменены. У нас есть телеграмма, — упрямо бубнит панагровец.

— Где эта телеграмма? — спрашивает Краминов.

— Вот она.

Телеграмма на английском языке и попадает в руки Краминова.

— Но в этой телеграмме нет никакой ссылки на государственные учреждения Аргентины. Переведи ее, Башарин.

Телеграмма переходит к корреспонденту ТАСС. Панагровцы тянут руки к Башарину, но мы заслоняем его.

Текст телеграммы переведен, ее возвращают панагровцам, и Башарин во всеуслышание читает:

— «...Ни при каких обстоятельствах, повторяем, ни при каких обстоятельствах, не допустите прибытия русских журналистов в Аргентину. Кинг. Смит».

— Ах вот оно что, господа! — взрываемся мы.— Вы путаете коммерцию с политикой!

— Нет, нет, никакой политики! — пугается представитель «Панагры». — Это — обыкновенное указание.

— Нет, не обыкновенное!

— Но мы не отправим самолет, если вы не покинете его.

— Пожалуйста. Мы остаемся в самолете!

— Господа, мы просим вас...

— Все! Баста!

В это время растерявшиеся стюардессы приносят на подносах обед.

Кто-то из нас говорит:

— Ребята, неизвестно, сколько придется сидеть в самолете, давайте подкрепимся.

Панагровцы продолжают уговаривать:

— Давайте придем к соглашению: вы сойдете с самолета, вам приготовлен хороший отель, в нем останавливался сам Никсон...

— Не мешайте нам обедать!

— Ну, хорошо же! — не выдерживает один из панагровцев, покидая самолет.

Мы молча обедаем. Но в это время остальные пассажиры, раздраженные вынужденной задержкой, начинают шуметь. Один из них, молодой, с черной шевелюрой, видимо, не очень трезвый, кричит:

— Выбросить их из самолета, этих коммунистических пропагандистов! Мы летим под американским флагом!

Седой человек в очках возражает:

— У них билеты до Буэнос-Айреса, их обязаны доставить по месту назначения.

Женщина в красной кофте и серых брюках ворчит:

— Я так тороплюсь в Сант-Яго... У моей дочери сегодня день рождения... Они обязаны сойти.

Старший стюард подает команду:

— Сгрузить весь остальной багаж.

Это, видимо, говорится для нашего устрашения. Пассажиры покидают самолет. Служащий компании сдирает подголовники с кресел. Летчики закрывают штурманскую кабинку. Выключается вентиляция. Стюардессы, перекинув через плечо дорожные сумочки, выходят из самолета. В окно видно, как выгружают остальной багаж. Мы остаемся в самолете одни.

Перелистываю оставленный перуанцами журнал. Вот статьи, посвященные пребыванию вице-президента США Никсона в Перу. Что же пишет по этому поводу перуанский журнал?

«Его поездка превратилась в крестный путь. Сказать, что он вернулся в Вашингтон оплеванным, — мало. Это значит охарактеризовать только часть того, что произошло со второй фигурой правительства Соединенных Штатов. Взрыв неудержимой массовой ненависти вызвал приезд этого человека».

Читаю дальше:

«Для того, чтобы понять это, нужно изучить взаимоотношения Соединенных Штатов со странами Латинской Америки, изучить серьезно, обстоятельно... Соединенные Штаты были союзниками Советского Союза против фашизма, и войска этих обеих стран должны были встретиться в разгромленном Берлине в ставке Гитлера. Тогда закладывались основы организации Объединенных Наций, были возвещены постулаты мира и человеческих свобод... Человечество стояло на пороге новой эпохи, мира и прогресса. Казалось, что Соединенные Штаты усвоили новую манеру обращения со странами Латинской Америки, отбросив старые методы агрессии и угнетения... Что же произошло впоследствии? Как только прошла угроза войны, Соединенные Штаты выбросили за борт все обещания мира и свободы и все проекты установления лояльных взаимоотношений с другими странами, в частности со странами Латинской Америки. Империализм предстал во всей своей отвратительной наготе как в экономическом, так и в политическом аспекте... С жадностью набросились монополии на наши бедные ресурсы, разоряя нарождающуюся промышленность. Покупая наше сырье за бесценок и продавая нам свои готовые изделия по высоким ценам, монополии США разорили нас. Нам не разрешают торговать с другими странами. Диктаторы, с благословения Вашингтона, вновь точат ножи...»

Взгляд задерживается на фотографии, показывающей, как встречали Никсона. Лица «встречающих» для их безопасности редакция журнала скрыла под ретушью. Небесполезная предосторожность!.. Но читаем дальше:

«...Когда в Гватемале появился луч света в средневековом мраке, правительство Соединенных Штатов с ожесточением набросилось на этот народ, а Фостер Даллес назвал «славной победой» удушение гватемальской революции, в то время как Латинская Америка была повергнута в скорбь. Наши страны в середине XX века продолжают оставаться колониями, лишенными независимости и свободы. Зависимы от США наша торговля, наши правительства, внешняя политика, армия, дипломатия и даже то, что мы должны читать и как должны думать. Такова панорама, которая предстала перед Ричардом Никсоном во время его посещения Южной Америки. В этих условиях его посещение было объездом вице-короля. И чего мог ждать вице-король? Может быть, шествий, аплодисментов, фейерверков, фанфар? Может быть, все это были готовы сделать официальные круги, потому что они традиционно «пришвартованы» к сановникам из Вашингтона. Но отнюдь не народ. Ни в коем случае, потому что наши народы не хотят больше слов!»

Эти горькие и жгучие слова в журнальной статье не казались нам откровением. Во время поездки по странам Южной Америки мы не раз слышали слова, близкие по духу этим. Больше того, мы видели, как многие современные государственные деятели этих стран не только разделяли эти думы, но и предпринимали шаги к освобождению от экономического и политического гнета, в котором Соединенные Штаты пытаются держать соседние с собой страны. Да, фейерверков и фанфар во время поездки Никсона по странам Южной Америки не было! Не это ли и вынудило определенные круги Соединенных Штатов руками авиакомпании «Панагры» спланировать цепь провокаций в отношении группы советских журналистов, радушно принимаемых южноамериканцами, чтобы как-то возместить морально-политический ущерб, понесенный Соединенными Штатами во время турне Никсона по странам Южной Америки?

Так это или не так, пусть судят наши читатели, которые всегда сумеют сделать необходимые выводы из наших журналистских записок и из фактов, приведенных в них. Но в те часы долгого сидения в самолете компании «Панагры» на аэродроме Лимы эти выводы представлялись нам именно такими.

В самолете было тихо, только слышался шелест страниц, перелистываемых Краминовым, который ни при каких обстоятельствах не упускал возможности заглянуть в один из новых романов Стейнбека. Но этой тишины не было в здании аэропорта. Туда прибывали все новые и новые корреспонденты и просто жители города, прослышавшие о том, что русские журналисты «захватили» американский самолет. К нам прорывались корреспонденты.

Появился корреспондент агентства «Франс пресс», за ним запыхавшийся и расстроенный тем, что опоздал, корреспондент «Юнайтед пресс» (к чести его скажем, что он объективно осветил этот короткий эпизод в Лиме).

К тому времени нам сказали, что мы можем свободно выходить в аэропорт.

В аэропорте было более пятидесяти журналистов и немало жителей Лимы. Мы сделали короткое заявление от нашей группы и зачитали пресловутую телеграмму

Демонстрация протеста в городе Лиме в связи с приездом Никсона. Фото из перуанского журнала «1958 год»

Кинга и Смита, вызвавшую активное возмущение у перуанцев. Особенно сочувственно слушали нас перуанские женщины. Когда мы сказали о том, что на родине в этот момент нас ожидают десять жен и около тридцати детей, у некоторых из них показались слезы. Снова и снова нам задавали вопросы:

— Могло ли подобное произойти в Советском Союзе с кем-либо из иностранных корреспондентов?

— Ни с кем и никогда!

— Говорят, что вас в самолете морят голодом?

— Прошло слишком мало времени, чтобы мы почувствовали голод... В крайнем же случае мы надеемся на вашу солидарность.

Мы видели сердечное отношение незнакомых людей, окружающих нас в огромном зале аэропорта.

— Будете ли вы писать об этом событии?

— Конечно, будем... А пока надеемся, что вы сообщите обо всем, что происходит с нами.

— Не беспокойтесь, мы-то сообщим.

Нас проводили дружескими взглядами. При выходе на летное поле нас задержал служащий с нашивкой «Панагра». По его смуглому лицу, узким глазам можно было определить, что он перуанец.

— Правильно делаете. Самолет не покидайте!

Мы пожали ему руку.

Вернувшись в самолет, мы застали следующую картину: наши остальные товарищи из бумажных стаканчиков пили кофе и закусывали легкими сандвичами, которыми угощал их аэродромный полицейский. Между ним и журналистами текла задушевная беседа. Двое служащих готовили нам постели для ночевки.

Но ночевать в Лиме нам не пришлось. Посыльный сообщил, что нас вызывает Сант-Яго. Вадим Поляковский ушел и вскоре вернулся радостный и улыбающийся.

— Во-первых, компания сообщила о том, что в 11 часов самолет отправится дальше в путь. Нам в Сант-Яго аргентинский консул поставит визы на въезд в Аргентину. Во-вторых, звонили чилийские друзья и сказали, чтобы мы спокойно летели в Сант-Яго. Несмотря на то, что сегодня суббота, они ручаются, что достанут нам визы.

Так «Панагра» сдалась. Да и как ей было не сдаться?! В течение нескольких часов она обманывала и нас, и других пассажиров, и всех журналистов, скрывая то, что визы для нас уже были. Больше того, как сообщили нам позже работники нашего посольства, звонившие в отделение «Панагры» в Буэнос-Айресе, Кинг обманывал их, уверяя, что разрешение на полет послано, а глава «Панагры» в Южной Америке Смит вообще скрывался в этот день, оставив неверный номер телефона.

Администраторы «Панагры» скрыли также от нас телеграмму скандинавской авиакомпании САС о том, что она обязуется из Сант-Яго безо всяких виз доставить нас в Копенгаген. Вот что означало «ни при каких обстоятельствах»!

Остаток вечера мы провели с нашими друзьями, перуанскими журналистами, за чашкой кофе в ресторане аэропорта, сменяясь по пять человек. Перуанские журналисты, пожалуй, радовались больше нас. Один из них сказал:

— В этом году в Лиме было два знаменательных события: оплевали и забросали камнями Никсона, и советские журналисты захватили американский самолет.

— Преувеличиваете,— не соглашались мы,— просто мы занимали места согласно купленным нами билетам.

Один из журналистов, редактор крупного перуанского журнала, разворачивая вечернюю газету, сказал:

— Вот тут научную формулировку применяют наши журналисты: «Забастовка путем оккупации...» А впрочем,— проговорил он медленно,— примите вы неправильное решение — вам были бы причинены крупные неприятности.

— Какие именно?

— Этого я не могу сказать, не информирован... Но поверьте, что наемные негодяи имеются и у нас. Вы думаете, вас напрасно собирались поселить в отеле, в котором останавливался Никсон?

В это время сидевшая одиноко за соседним столиком пожилая женщина громко сказала:

— Улетите вы в одиннадцать часов или не улетите, но я хочу с вами поговорить.

Николай Грибачев и Борис Кострицын направились к ней. В это время с магнитофоном пришли репортеры из радио с просьбой ответить на некоторые вопросы и передать свои пожелания перуанскому народу. Мы выполнили их просьбу.

— Эта женщина — маркиза по происхождению и адвокат по специальности,— сказал Грибачев, возвращаясь к нашему столику.— Она приехала на аэродром, узнав о происшедшем, для того, чтобы безвозмездно предложить свои услуги взыскать с компании убытки, причиненные нам. Я сказал ей, что «Панагра» и так проиграла дело.

Подходило время отлета. Вместо сорока минут стоянка затянулась на двенадцать часов. Моросил мелкий дождь. Крепко обнялись мы с перуанскими журналистами, ни на минуту не покинувшими в этот день аэропорт Лимы, от всей души поблагодарили их за поддержку и братскую солидарность.

Вместе с нами в самолет поднимались приехавшие из города пассажиры. Дама в красной кофте виновато сказала:

— Теперь я поняла, в чем дело. Я не сержусь на вас. Завтра я расскажу дочери об этом эпизоде.

— Правильные вы ребята,— проговорил старик в очках и подмигнул нам.

Позже всех появился чернявый человек, который раньше требовал, чтобы нас ссадили. Молча он пробрался в самый дальний угол и отвернулся к окну. Зажегся транспарант: «Не курить», «Застегнуть ремни». Загудели моторы. Стюардессы разносили мятные жевательные резинки. Внизу замелькали россыпи огней столицы Перу.

В самолете пассажиров прибавилось. С нами до Сант-Яго летели две пары молодоженов. Компания «Панагра», проиграв на политике, решила вернуться к коммерции. В честь молодоженов компания, не жалея затрат, открыла две бутылки шампанского. Стюардессы разносили бокалы и кусочки торта.

Мы подарили молодоженам еще сохранившиеся у нас голубовато-золотые значки с фигурой рабочего и крестьянки.

— Это символ прочной семейной жизни,— объяснили мы им, отвечая на их вопросы.

Молодожены были очень довольны и прикрепили значки к одежде.

Но в этом коротком рекламном пире на борту самолета «Панагра» принимали участие не все наши журналисты. Предыдущий недосып и, конечно, нервное напряжение давали себя знать. Спал Грибачев, спали Чернышев и Камынин, спал Краминов, так, и не расстегнув ремня, словно боясь, что его оторвут от самолета.

Шла четвертая ночь. Самолет плыл над Кордильерами.

* * *

Вот, собственно, и все, что можно было рассказать о нашем посещении Панамы, неожиданном знакомстве с перуанцами и событиях, связанных с деятельностью американской авиакомпании «Панагра», которая, нарушая все и всяческие обязательства перед пассажирами, скомпрометировала себя перед всем миром. К этому, пожалуй, стоит прибавить, что, прилетев в Сант-Яго в пять утра, мы застали на аэродроме аргентинского консула в Чили. Проставляя визы в паспорта, он шутливо сказал: «Вы, конечно, можете и дальше захватывать любые самолеты, только прошу вас, регулируйте их расписание так, чтобы мне не пришлось больше подниматься ночью для оформления ваших виз». Перелетев еще раз Кордильеры, через два часа мы оказались в Буэнос-Айресе, очутились в могучих объятиях наших друзей и в последний раз взглянули на зловещую черно-желтую окраску самолета.

В самом начале этих записок я привел текст рекламного извещения «Панагры», в котором говорилось о том, что каждый полет на самолетах этой компании «вызывает стремление к повторению». Я думаю, что читатели вместе с нами сделали уже соответствующие выводы о методах «ухаживания» за пассажирами на самолетах «Панагры».

Но, тем не менее, я хочу заверить читателей, что это было путешествие, которое хочется повторить. Повторить, чтобы еще и еще раз повидаться с симпатичными и дружественно настроенными к нам панамцами, которые сделали все, чтобы скрасить часы нашего пребывания в Панаме. Повторить, чтобы поближе узнать чудесных перуанцев, проявивших исключительную солидарность с группой советских журналистов. Повторить, чтобы окончательно сломать те искусственные барьеры, которые некоторые круги Соединенных Штатов ставят на дороге естественного желания народов дружить и знать друг друга.

Будем ли это мы или другие журналисты, торговые деятели или мастера советской культуры, можно сказать одно: они увидят, как в Панаме и Перу, так же как и в других странах Южной Америки, тысячи людей проявляют горячие симпатии к нашей стране и ее народам, стремятся к развитию торговли и культурного обмена и борются за политическую и экономическую независимость своих стран. Эти люди знают и ценят своих настоящих друзей и ненавидят жгучей ненавистью тех, кто пытается удержать в колониальном рабстве целые государства.

Мы это видели и слышали не только в Панаме и Перу, но и в других странах Южной Америки, о которых мы надеемся рассказать в ближайших номерах «Огонька».

Самолет пришел в Буэнос-Айрес. Старший стюард последним выходит на аэродром.

ТВОРЦЫ САДОВ

В. ЯКОВЛЕВ   Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Коллективное садоводство очень молодо. Оно возникло в послевоенные годы на Урале, оттуда перебросилось во многие районы страны, и теперь коренастые молодые яблоньки, нежные вишни, сливы, черешни, груши подняли свои кроны над некогда бросовыми землями.

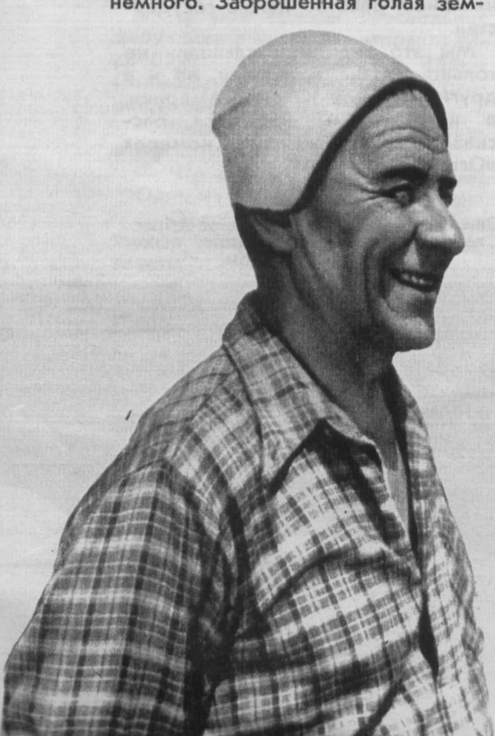
Под Киевом, в районе хутора Берковца, четыре года назад были заложены коллективные сады. Теперь трудно представить себе, что здесь когда-то проходил не зеленый, а оборонительный пояс. Но как не поверить людям, которые своими руками засыпали противотанковые рвы, окопы, блиндажи и сажали первые, тоненькие, как прутики, беспомощные на вид двухлетние саженцы яблони!

Вот свидетельства новоселов хутора Берковца.

Говорит председатель правления общества садоводов завода «Ленинская кузница» инженер Иван Александрович Сеткин:

— В 1954 году управление зеленой зоны Киевского городского Совета выделило сто восемьдесят гектаров земли под коллективные сады. Досталось двенадцать гектаров земли и рабочим «Ленинской кузницы». Желающих получить участки сперва было совсем немного. Заброшенная голая земля отпугивала. Сколько надо вложить труда! Но вот первые энтузиасты — разметчик Голиков, токарь Савинов, шофер Прохоренко, служащий Скляр,— пользуясь правами пионеров, выбрали себе участки в «шесть соток» и подписали договоры. Они обязались возделать свои сады и начали работу. Вскоре все двести двадцать пять участков были разобраны... Впрочем, это не совсем точно. Разобрано было двести двадцать четыре участка, и несмотря на то, что число желающих стать садоводами стремительно росло, единственный участок долго оставался без хозяина. Почему? А вы поговорите с теми, кому он сейчас принадлежит...

Иван Александрович назвал нам фамилию старшего мастера литейного цеха Ивана Антоновича Рутковского.

Мы застали литейщика Рутковского за плотничьими работами. Он огораживал забором молодой сад.

— То, что вы видите за этим забором, или, вернее, за будущим забором,— поправил себя Иван Антонович,— было оврагом. Дожди и время внесли свои коррективы в фортификационные работы, когда-то проведенные здесь для обороны Киева. Противотанковый ров стал просто глубокой канавой. Поэтому участка никто не брал. Да и я бы, несмотря на всю свою любовь к саду, наверное, не взял бы его. Это вот сын, Евгений!

Иван Антонович показал на рослого парня, обтесывающего рейки для забора.

Как оказалось, Евгений Рутковский — столяр по профессии, и его товарищи за неделю засыпали ров; и теперь на гиблом месте поднимаются фруктовые деревья.

Близкое будущее сада Рутковских мы увидели, побывав в гостях у слесаря Ефима Павловича Марцышека (снимок вверху).

Сад Марцышека посажен двумя годами раньше, но сколь разительна разница между участками! Здесь любовно возделанная земля дает уже плоды. Прошлым летом Ефим Павлович получил богатый урожай земляники — свыше ста пятидесяти килограммов. Начали плодоносить и фруктовые деревья.

С гордостью оглядывает Ефим Павлович Марцышек свои владения.

— Я полюбил каждое дерево,— сказал он нам.

Все свое свободное время Ефим Павлович проводит в саду. Каждый клочок земли хранит следы его неутомимого труда. Он охотно знакомит нас со своими питомцами. Вот яблоня ренет шампанский; даже в январе семья ела ароматные сочные плоды с этого пятилетнего деревца. А вот любимая груша Ефима Павловича — бере лигеля. В саду Ефима Павловича использован каждый сантиметр земли. Одного условия еще не выполнил хозяин молодого сада: не поставил он домика. Пока его заменяет железная будка, похожая на капитанскую рубку.

Оживленно в коллективном саду ранним воскресным утром. Каждому хочется попасть быстрее на свой участок, чтобы с пользой провести длинный летний день.

Работы предстоит много. В дни цветения решается судьба урожая. Экономист С. Ф. Свидерский решил именно теперь взять отпуск. Мы застали его с женой Анной Григорьевной за поливкой яблонь.

На участке Свидерских растут тридцать плодовых деревьев. Яблонька, которую так заботливо поливает Станислав Флорианович, ренет симиренко, дала свои первые четыре яблока. Пока немного! Но зато какие они были душистые, сочные, когда их подали к новогоднему столу!

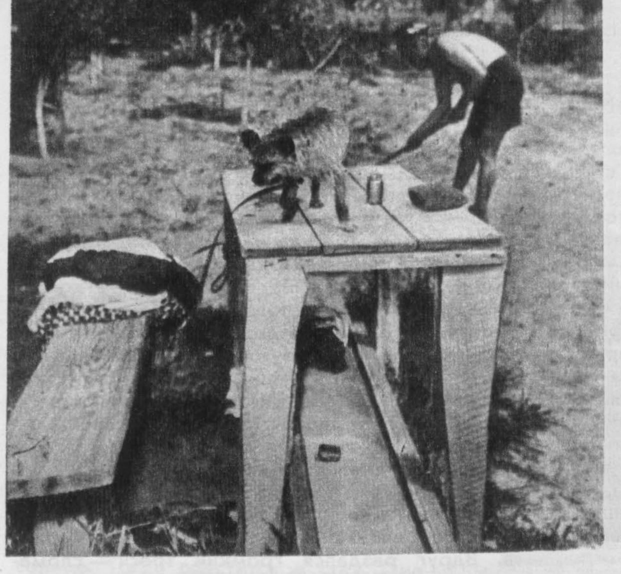
Земляники же было столько, что еще и сейчас есть варенье.

«Огонек».

На воздухе разгорается аппетит. У заместителя директора научно-исследовательского института Павла Алексеевича Монеты обед готовится прямо под открытым небом.

Пышно цвели нынче фруктовые сады под Киевом. В предвкушении первого настоящего урожая особенно заботливо ухаживали за деревьями садоводы. Приделав коромысла к задней раме своего велосипеда, школьник десятого класса Станислав Литвинов перевозит за час двадцать два ведра воды.

По традиции садоводы хутора Берковца подъем целины начинают с того, что ставят на участке стол и скамью. Теперь грозному стражу есть что охранять. ←

Также начинал четыре года назад строительство и старший мастер сборочного цеха завода станков-автоматов Андрей Арсентьевич Мунтянов. ←

А теперь стоит в саду аккуратный новый домик. Его история трогательна и необычна. Этот дом — подарок завода Андрею Арсентьевичу в день его шестидесятилетия.

Этим садоводам до шестидесятилетия еще далеко. Они не рассчитывают на такой подарок, как дом. Валерик и Всеволод, сыновья электросварщика Виктора Всеволодовича Шервуда, предпочитают строить дом сами.

Для них, наших детей, будут цвести сады, посаженные их отцами. ↓

Маяк-ветеран

Так выглядит маяк на острове Сескар в Финском заливе. Недавно этой чугунной башне исполнилось сто лет. Но в действительности Сескарский маяк имеет еще более древнюю историю.

В 1723 году Петр Первый отдал приказ: «Содержать огонь на Сескаре». А спустя год Адмиралтейств-коллегия постановила: «Для смотрения и содержания тех огней отправить на Сескар вместо мужиков двух человек матрос...»

Как и все маяки того времени, это было весьма примитивное сооружение. На небольшом возвышении из камня устанавливалась корзина из железных прутьев, в которой сжигались дрова и смола. Затем был построен большой деревянный маяк, высотой сначала в пять, затем в семь и, наконец, в пятнадцать метров.

В 1807 году на острове Сескар соорудили маяк еще больших размеров. На смену дереву пришел кирпич и гранит. На башне был установлен двенадцатигранный фонарь, внутри которого горело сорок масляных ламп. Двадцать четыре покрытых платиной серебряных отражателя значительно увеличивали дальность распространения света. И, наконец, в 1858 году вместо пришедшего в ветхость каменного маяка появилась первая в России сборная чугунная башня. В верхней части ее — фонарное помещение, в котором установлен оптический аппарат с источником света.

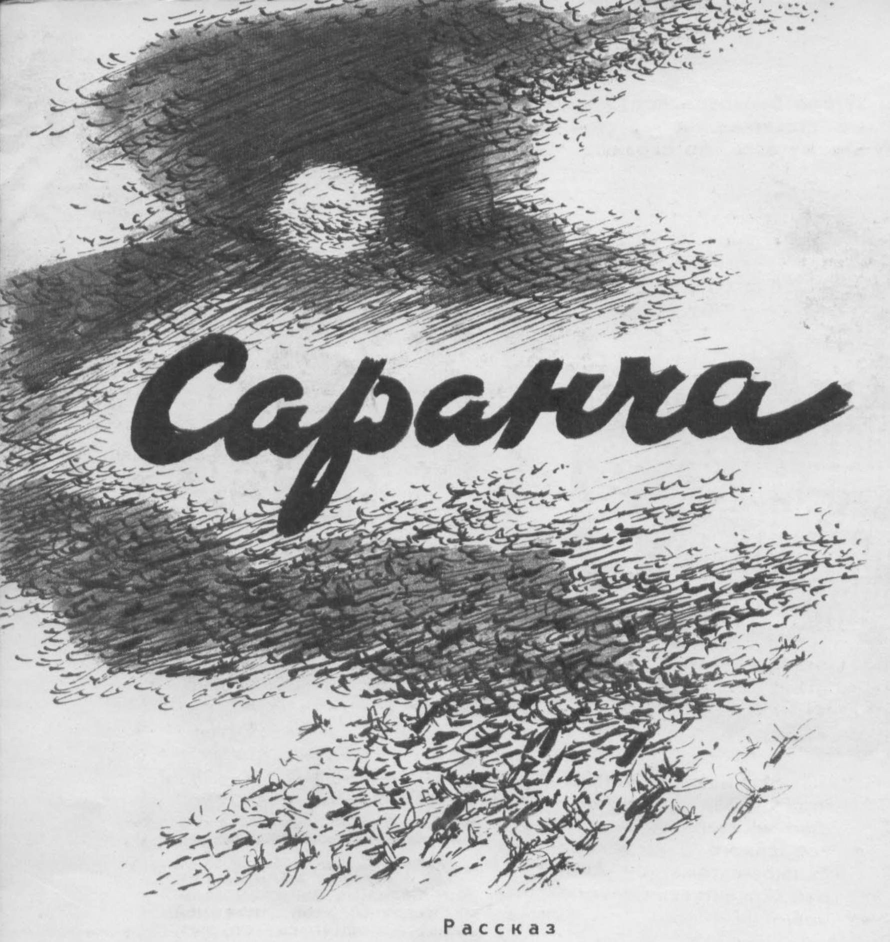
Эта чугунная башня и высится над волнами Балтики последние сто лет.

Огни Сескарского маяка светили первым русским кругосветным мореплавателям Крузенштерну и Лисянскому, первооткрывателям Антарктиды Беллинсгаузену и Лазареву, писателям Станюковичу и Гончарову, революционным матросам Балтики, советским морякам — защитникам Ленинграда в годы Отечественной войны — как память об этих годах остались небольшие «осколочные ранения» в стенах башни.

В послевоенные годы Сескарский маяк оснащен новейшим навигационным оборудованием. Введены в действие радиомаяк и звукосигнальная установка.

По примеру Сескарского, старейшего в нашей стране маяка, многие маяки на Черном, Баренцевом, Охотском и других морях построены как сборные чугунные башни.

Инженер-полковник
Л. БАСИС

Рассказ

Дорис ЛЕССИНГ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Дожди в тот год были хорошие, шли как раз тогда, когда нужны были для урожая,— так заключила Маргарет из слов мужчин, говоривших, что дожди неплохие. У нее никогда не было своего мнения о погоде: ведь для того, чтобы судить о такой, казалось бы, простой вещи, как погода, нужен опыт. А его-то у Маргарет не было. Мужчины — ее муж Ричард и старик Стивен, отец Ричарда, издавна хозяйничавший на ферме,— могли часами спорить, разорят ли их дожди в этом году или просто изведут. Маргарет жила на ферме три года. Она никак не могла понять, как это они до сих пор не пошли по миру, ведь мужчины ни разу добрым словом не помянули ни погоду, ни землю, ни правительство. Но Маргарет уже начинала понимать их язык, язык фермеров. Они и не разорялись и не богатели. Они тянули лямку и жили вполне сносно.

Они выращивали кукурузу. Их ферма в три тысячи акров расположилась среди горных кряжей, которые тянутся к Замбези, на высокой сухой местности, обдуваемой ветрами, холодной и пыльной зимой, а сейчас, в сезон дождей, окутанной горячей дымкой, мягкими влажными волнами поднимавшейся над зеленым морем, которое простиралось, насколько хватал глаз. Красиво там было: вверху голубой сверкающий простор, внизу яркие зеленые складки и впадины, а вдали за реками горные вершины, острые и обнаженные. От голубизны ломило глаза, Маргарет не привыкла к ней. В городе, откуда она приехала, не смотрели так часто на небо. И в тот вечер, когда Ричард сказал: «Правительство предупреждает, что с севера ожидается саранча»,— она невольно оглянулась вокруг на деревья. Саранча, тучи саранчи — ужасно! Но Ричард и старый Стивен смотрели выше, на горы. «Семь лет не было саранчи,— говорили они.— Саранча появляется периодами.— И добавили:— Пропал урожай в этом году!»

И они продолжали работать на ферме как обычно. Но вот однажды, возвращаясь в полдень домой завтракать, старик вдруг остановился, показывая пальцем в сторону горизонта: «Смотри, смотри, вот она!»

Маргарет выбежала к ним и тоже стала смотреть на горы. Выбежала прислуга из кухни. И так они все стояли, пристально всматриваясь: над скалистыми выступами гор повисло ржавое облако. Вот она и прилетела.

Ричард тут же закричал на поваренка. Стивен гаркнул на другого мальчишку. Поваренок бросился к старому лемеху, висевшему на дереве для того, чтобы сзывать работников для важных дел, и стал изо всех сил колотить по нему. Мальчишка побежал в сарай за жестяными банками и старым железом. По всей ферме разнеслись удары гонга, и видно было, как со всех сторон сбегались работники, возбужденно крича и показывая на горы. Скоро все собрались около дома, а Ричард и Стивен поспешно отдавали приказания. Быстрее, быстрее, быстрее!

И все снова разбежались, и с ними Ричард и Стивен, а через несколько минут Маргарет увидела, как со всех концов фермы поднимается дым костров. Всюду были приготовлены охапки хвороста и травы. Перед ней простирались семь расчищенных участков, желтых, темно-бурых и розоватых, а там, где только что показались ростки кукурузы, нежно-зеленых, и над каждым поднимались густые клубы дыма. Теперь в огонь бросали сырые листья, и дым становился черным и едким. Маргарет все смотрела на горы. Оттуда двигалась продолговатая низкая туча; по-прежнему ржавая, она на глазах разрасталась и приближалась. Зазвонил телефон. Это соседи: скорее, скорее, саранча! У старика Смита она сожрала все дотла. Скорее зажигайте костры! И хотя каждый надеялся, что саранча минует его ферму и направится дальше, честность требовала предупредить соседа. И теперь по всей округе поднимался дым от тысяч и тысяч костров. Маргарет отвечала на телефонные звонки, а в промежутках стояла и наблюдала за саранчой. Воздух темнел. Странная это была темнота, ведь солнце ярко светило, темнота была такая, какая бывает во время степного пожара, когда воздух густеет от дыма и солнце сквозь него проглядывает как большой раскаленный апельсин. И было в нем что-то гнетущее, будто надвигалась буря. Саранча быстро приближалась. За красноватой завесой, которую образовали передовые отряды, тяжелой черной тучей двигалась главная стая, и, казалось, эта туча поднималась к самому солнцу.

Маргарет думала, как бы ей помочь беде, и не знала. Но вот с поля пришел старик Стивен.

— Мы пропали, Маргарет, пропали! Эти гады за полчаса могут сожрать все до последнего листка, до последней былинки на ферме! А день только начался. Если нам удастся вот так дымить и шуметь до захода солнца, то стая, может быть, и опустится где-нибудь в другом месте... — И добавил:— Поставь чайник: от этой работы пить хочется.

И Маргарет пошла на кухню, затопила плиту и вскипятила воду. Она услышала, как о железную крышу кухни ударялась и с гулким шумом падала саранча, царапалась и скатывалась вниз. Вот первые вестники. С полей доносился грохот, и лязг, и скрежет жестянок и железа. Стивен нетерпеливо ждал, пока Маргарет нальет в жестянку горячий, сладкий оранжевый чай, а другую наполнит водой. Он рассказывал Маргарет, как двадцать лет назад полчища саранчи все сожрали и разорили его. А потом, не переставая рассказывать, он взял в каждую руку по банке, вставив в них наискось палки, и затрусил по дороге к мучимым жаждой людям. Теперь уже саранча градом сыпалась на крышу кухни. Казалось, там бушует буря. Маргарет выглянула наружу и увидела, что воздух потемнел от саранчи, сновавшей во все стороны, и, стиснув зубы, выбежала из дома. То, что могли делать мужчины, сможет и она. Над ее головой воздух был густой: всюду саранча. Насекомые налетали на нее, она сбрасывала с себя тяжелые красновато-коричневые комочки, смотревшие на нее бусинками глаз и цеплявшиеся за платье, за кожу своими жесткими, зазубренными лапками. С отвращением, сдерживая дыхание, она убежала обратно в дом. Железная крыша содрогалась, а грохот железа на полях напоминал гром. Она посмотрела в окно. Все деревья стояли какие-то странные, не шелохнувшись, покрытые темными сгустками ветви низко пригнулись к земле. Земля, казалось, шевелилась, всюду кишела саранча, а полей совсем не было видно — такой плотной была стая. Горы вдали виднелись будто сквозь завесу проливного дождя, пока на ее глазах новая туча не заслонила солнце. Стало темно, как ночью, все заволокла какая-то неестественная чернота. Вдруг раздался громкий треск — сломалась ветка. Потом другая. Дерево на склоне накренилось и тяжело рухнуло наземь. Сквозь сплошной град насекомых прибежал мужчина. Еще чаю, еще воды! Маргарет налила. Она поддерживала огонь в плите и наливала кипяток в банки. Было уже четыре часа дня, уже два часа над ее головой бесновалась саранча. Снова пришел старик Стивен, на каждом шагу давя саранчу, весь облепленный саранчой, ругаясь и кляня ее, отмахиваясь от нее своей старой шляпой. На пороге он остановился, торопливо срывая и стряхивая с себя насекомых, а затем вошел в комнату, где не было саранчи.

— Урожай погиб. Ничего не осталось,— сказал он.

Но железо все еще грохотало, люди продолжали кричать, и Маргарет спросила:

— А почему же вы тогда продолжаете воевать?

— Главная стая еще не села. Она собирается откладывать яички и ищет, где бы ей сесть. Если мы сможем помешать главной стае опуститься на ферме, дело было бы в шляпе. А если ей удастся отложить яички, то позже у нас все сожрут прыгунчики.— Он снял насекомое, прицепившееся к рубашке, и раздавил его ногтем: внутри оно было полно яичек.

— А если это еще увеличить в миллион раз? Ты когда-нибудь видела, как движется стадо прыгунчиков? Ну, тогда тебе повезло.

«Куда же еще хуже этого»,— подумала Маргарет. За окном теперь земля была освещена бледно-желтым рассеянным светом, в котором все время мелькали тени; тучи саранчи то густели, то редели, подобно ливню. Старик Стивен сказал:

— Их подгоняет ветер, это хорошо.

— Что, это сильный налет? — со страхом спросила Маргарет, а старик ответил ей:

— Наше дело пропащее. Эта стая может пролететь мимо, но уж если они начали летать, то теперь будут являться с севера одна за другой. А еще прыгунчики, от них не избавишься и в два, и в три года.

Маргарет в отчаянии опустилась на стул и подумала: «Ну, что ж, конец, так конец. А что дальше будет? Нам всем трем придется возвращаться в город...» Тут она взглянула на Стивена. Старик трудился на этой земле сорок лет, дважды разорялся, но Маргарет знала: ничто не заставит его уехать в город и корпеть где-нибудь в конторе. У нее сжалось сердце: лицо старика было таким усталым, заботы проложили глубокие складки у рта. Бедный старик!.. Стивен вытащил насекомое, забравшееся к нему в карман, и держал его перед собой за лапку.

— Твои лапки сильные, как стальная пружина,— проговорил он добродушно.

А потом, хотя вот уже три часа он воевал с саранчой, давил саранчу, кричал на нее, сметал в большие кучи и сжигал, с этой он подошел к двери и осторожно выпустил ее к остальным, как будто боялся сделать ей больно. Это успокоило Маргарет, вдруг она почему-то ободрилась. Она вспомнила, что уже не впервые за последние три года они объявляли, что окончательно и безнадежно разорены.

— Дай-ка мне стаканчик виски, дочка,— обратился он к Маргарет, и она поставила перед ним бутылку.

А в это время там, среди урагана беснующейся саранчи, ее муж колотил в гонг, под-

брасывал в костры листья, весь облепленный насекомыми. Она содрогнулась от отвращения.

— И как только вам не противно, когда они садятся на вас? — спросила она. Старик осуждающе посмотрел на нее. Она оробела, так же, как и тогда, когда он впервые окинул пристальным взглядом ее, горожанку с завитыми золотистыми волосами, с накрашенными острыми ноготками. Теперь она была степенной женой фермера, носила добротную обувь и плотную юбку. Может быть, и ей не будет противно, когда саранча сядет на нее... со временем.

Пропустив стаканчик — другой, старик Стивен вернулся к бою, пробираясь среди сверкающих коричневых полчищ саранчи.

Уже пять часов. Через час сядет солнце. Тогда опустится и стая. Она висела над головой все такая же плотная. Деревья сплошь были покрыты сверкающими коричневыми наростами.

Маргарет заплакала. Никакого просвета. Если не засуха, так саранча, не саранча, так гусеницы или степной пожар. Вечно что-нибудь случается. Шелест полчищ саранчи напоминал шум большого леса в бурю, по крыше словно дождь барабанил, земли не было видно,

по ней текли блестящие коричневые потоки — того и гляди тебя поглотит отвратительный коричневый водоворот. Ей казалось, что крыша может провалиться под их тяжестью, дверь не выдержит их напора и они наводнят комнату. А становилось совсем темно. Она взглянула вверх. Воздух был прозрачнее, среди темных быстрых туч показались голубые просветы. Эти голубые кусочки были прохладные и хрупкие: солнце, должно быть, садилось. Сквозь саранчовую завесу она увидела приближающиеся фигуры. Впереди бодро шагал старый Стивен, за ним ее муж, измученный и осунувшийся, позади работники. Все они с ног до головы были покрыты саранчой. Грохот прекратился. Она слышала только шелест неисчислимого множества крылышек.

Двое мужчин стряхнули с себя насекомых и вошли в дом.

— Ну вот, — сказал Ричард, целуя ее в щеку, — главная стая пролетела мимо.

— Боже мой! — воскликнула Маргарет сердито, не в силах сдержать слезы. — Хватит и того, что они натворили здесь!

Хотя вечерний воздух больше не был черным и густым, а стал чистым и голубым и только отдельные стайки со свистом носились туда и обратно, все вокруг — деревья, постройки, кусты, земля — было покрыто живой коричневой массой.

— Если ночью не пойдет дождь и не задержит их здесь и они не отяжелеют от воды, то на заре они улетят.

— Прыгунчики-то у нас будут, конечно. Но главная стая миновала. И то слава богу.

Маргарет поднялась, вытерла глаза, сделав вид, что вовсе не плакала, и принесла ужин; работники валились от усталости, и она отправила их отдыхать.

Она поставила еду на стол, села и стала слушать. Не уцелело ни одного ростка кукурузы, услыхала она. Ни одного. Придется заново сеять, как только улетит саранча. Надо начинать все сначала.

«Но какой смысл? — подумала про себя Маргарет, — если ферма будет кишеть прыгунчиками?» Но она продолжала слушать, как они обсуждали новую инструкцию правительства о борьбе с прыгунчиками. Нужно все время шарить в траве по всей ферме и следить, не зашевелится ли в ней что-нибудь. Когда нападешь на выводок прыгунчиков, малюсеньких, юрких, похожих на сверчков, надо окопать это место канавой или же обрызгать ядом из насосов, которые предоставит правительство. Во всем мире идет борьба с этим злом, и правительство хочет, чтобы и они включились в нее. Саранчу надо уничтожать в зародыше. Мужчины говорили так, словно разрабатывали план боевой операции, и Маргарет, пораженная, слушала.

Ночью все было спокойно, снаружи не доносилось никаких звуков, только изредка трещала ветка или падало дерево.

Маргарет беспокойно ворочалась с боку на бок рядом с Ричардом, который спал как убитый, изнуренный дневным сражением. Утром она проснулась от яркого солнечного света, заливавшего кровать, яркого света, изредка омрачавшегося быстрой тенью. Она подошла к окну. Старый Стивен опередил ее. Он стоял снаружи и, не отрываясь, смотрел на кусты. И она засмотрелась, пораженная и против воли восхищенная. Каждое дерево, каждый кустик, вся земля, казалось, были объяты бледным пламенем. Саранча махала крылышками, стряхивая ночную росу. Все было залито красновато-золотистым мерцающим светом.

Она вышла и стала рядом со стариком, стараясь не наступать на саранчу. Так они стояли и смотрели. Над их головами небо было голубым-голубым и ясным.

— Красиво! — сказал старый Стивен.

«Пусть мы разорены, пусть мы пойдем по миру, — подумала Маргарет, — но ведь не всякому случается видеть, как полчища саранчи машут крылышками на заре».

Вдалеке над склонами гор в небе показалось бледное красноватое пятно, оно густело и растекалось.

— Вон она летит, — сказал Стивен, — вон главная стая на юг летит.

Теперь с деревьев, с земли, отовсюду поднималась саранча. Казалось, в воздух взлетали крохотные самолетики. Саранча проверяла, высохли ли крылышки. И она снова пустилась в путь. На много миль вокруг над кустами, над полями, над землей поднимался красновато-коричневый туман. Снова померкло солнце.

Покрытые наростами ветки расправлялись; облегченные, они были совсем голые, остались лишь черные остовы стволов, веток. Все утро они втроем наблюдали, как коричневые наросты редели, распадались и исчезали. Саранча устремлялась к главной стае, красновато-коричневому пятну в небе на юге. Поля, еще недавно зеленевшие нежными всходами кукурузы, стояли мертвые и голые. Все деревья были обнажены. Полное опустошение! Нигде ни былинки, ни листика.

К полудню красноватое облако исчезло. Лишь изредка падало отставшее насекомое. На земле валялась дохлая саранча. Работники-негры сметали ее ветками и собирали в банки.

— Ты когда-нибудь ела сушеную саранчу? — спросил Стивен. — Двадцать лет назад, когда я вот так же разорился, я три месяца жил на кукурузе и сушеной саранче. Недурная еда, похожа на копченую рыбу.

Но Маргарет тошно было даже думать об этом.

После завтрака мужчины отправились в поля. Все нужно было сеять и сажать заново. Если им повезет, то следующая стая не полетит тем же путем. Они надеялись, что скоро пойдет дождь и появится новая трава, ведь иначе начнет падать скот: на ферме не осталось ни травинки. А Маргарет пыталась примириться с мыслью, что саранча может прилетать и три и четыре года подряд. Саранча, как засуха: она неизбежна время от времени. Маргарет чувствовала себя, как человек, уцелевший после войны. Если эта опустошенная и изувеченная земля не разорение, то что же тогда разорение?

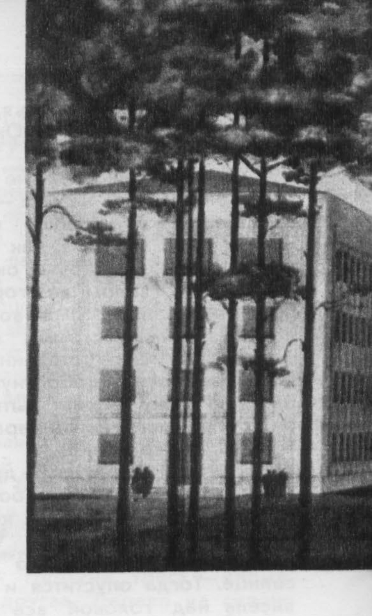
А мужчины ужинали с аппетитом.

— Могло быть хуже, — говорили они, — могло быть гораздо хуже.

Перевела с английского
И. БОРОНОС.

НАУКА ШАГАЕТ НА ВОСТОК

Г. ПОСПЕЛОВ,
старший научный сотрудник Сибирского отделения Академии наук СССР

I

Случайный попутчик, летевший со мной из Москвы, узнав, что я новосибирец и работаю в Сибирском отделении Академии наук СССР, очень оживился.

— У вас, кажется, строится очень крупный научный центр? Значит, большая наука зашагала на восток.

Он был и прав и не прав, мой попутчик. Первые свои шаги на восток Академия наук совершила гораздо раньше.

Растет здание Института радиофизики, и старый дом с колоннами отступает в глубину. Это — начало строительства «академического квартала»

Вспоминаю 1944 год.

Когда рвутся снаряды, казалось бы, не пристало украшать дома колоннами и строить роскошные залы. Но война была еще в разгаре, а в глубоком тылу, в Новосибирске, разросшемся за военные годы в могучий машиностроительный центр, делали и то и другое. Здесь для новорожденного, первого в Сибири филиала Академии наук СССР, строили торжественного вида дом с большим портиком и фронтоном, а по соседству, в огромном здании тоже новорожденного и тоже первого в Сибири Театра оперы и балета, отделывали роскошный зрительный зал на 2 тысячи мест. И когда в дни победы на сцене этого театра зазвучал первый спектакль, в городе открылась первая научная сессия Западносибирского филиала Академии наук СССР. Для заморских гостей, которые приезжали тогда в Новосибирск, это было проявлением «загадочной русской души». Мы же видели в этом символ могущества нашей Родины, начало большого и широко задуманного партией роста науки и культуры в Сибири, связанного с началом великого движения промышленности на советский восток.

Все, что связано с созданием Сибирского научного центра, несет на себе печать новизны.

В состав Сибирского отделения Академии наук СССР включаются Якутский, Дальневосточный филиалы академии, Сахалинская ее база. Компактный и самый крупный научный центр в Новосибирске вырастает как ядро, вокруг которого формируется широкая сеть научных академических учреждений. Образно говоря, здесь сразу выращивается целый «атомиум» Большой Науки, включающий главнейшие разделы знаний, важные не только для развития Сибири, но и для всей науки в целом.

Для того, чтобы достичь крупного эффекта, нужны кадры, способные ставить и решать большие научные проблемы. Для этого одних местных кадров недостаточно.

И вот решается сложнейшая задача. Основная масса руководящих научных кадров привлекается прежде всего из Москвы и Ленинграда. Большое число крупных ученых должно покинуть столичные города, чтобы начать благородное дело организации в далекой Сибири нового центра науки.

Страна наша богата талантливыми и заслуженными учеными. И когда встает вопрос о выборе новых академиков или членов-корреспондентов Академии наук СССР, часто выдвигается такое число достойных кандидатов, что выбор среди них наиболее достойных оказывается затруднительным. И вот при очередных выборах в академию Сибирскому отделению разрешено провести их отдельно, введя в условия следующее знаменательное примечание: академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР, выбранные по Сибирскому отделению, ведут научную работу в учреждениях отделения, выполняют его поручения и участвуют в работе по подготовке для него кадров. В марте этого года было выбрано 8 академиков и 27 членов-корреспондентов Академии наук СССР. Чтобы оценить то, что произошло, достаточно напомнить, что на всю Сибирь раньше имелся всего один член-корреспондент Академии наук СССР.

В Москве и в Сибири будет готовиться большое число научных работников из молодых ученых. В новосибирском научном городке будет создан для этой цели университет, который явится одним из самых обеспеченных высококвалифицированными преподавателями университетов страны. Молодежи принадлежит большая роль в развитии науки на востоке страны.

Большая Наука не может развиваться без больших библиотек. В Новосибирске открывается Восточное отделение библиотеки Академии наук СССР. Уже есть решение о строительстве книгохранилища на 10 миллионов томов. Это больше, чем фонды крупнейших библиотек США, Великобритании, Франции. Никогда еще в Азии не было подобной библиотеки.

Рождение Сибирского центра науки — это смелый и крупнейший по размаху эксперимент, удачное завершение которого может не только создать новую могучую «ударную» силу в науке, но и повлиять на весь ход дальнейшей организации науки в нашей стране.

II

Двадцать пять километров от Новосибирска по шоссе — и вы попадаете в новый, только что образованный Советский район Новосибирска, на территорию, отведенную для ученых.

Здесь все молодо. Молодо Обское море, рожденное плотиной Новосибирской ГЭС. Его волны еще не везде достигают «запроектированных» берегов. Лес, стоящий на «морском» берегу, только набирает силу. Его зрелость впереди. Растет в лесу молодой научный городок Сибирского отделения Академии наук СССР, которое само молодо: годовалые младенцы ему ровесники. Но оно уже расправляет плечи, и по его стати видно, каков будет этот сибирский богатырь.

На Бердском шоссе, огибающем залив Обского моря, машины бегут по узкой полосе асфальта. Но сбоку уже пристроилась свежая земляная насыпь. А вон и гудящие машины дорожностроительных бригад. Это — рождение двухпутной бетонной автострады, которая соединит Новосибирск с академическим городком. Мы стоим с директором городка Сергеем Арутюновичем Мирзаяном на том месте, где от Бердского шоссе отходит Академическая улица. Пока это просека в лесу, по которой проложена временная бетонная дорога, чтобы машины не портили местности и леса и бесперебойно работали в любую погоду. С шоссе городка не увидишь: он отделен от него полосой леса. Но здесь, на стрелке, у начала Академической улицы, будет видна его перспектива.

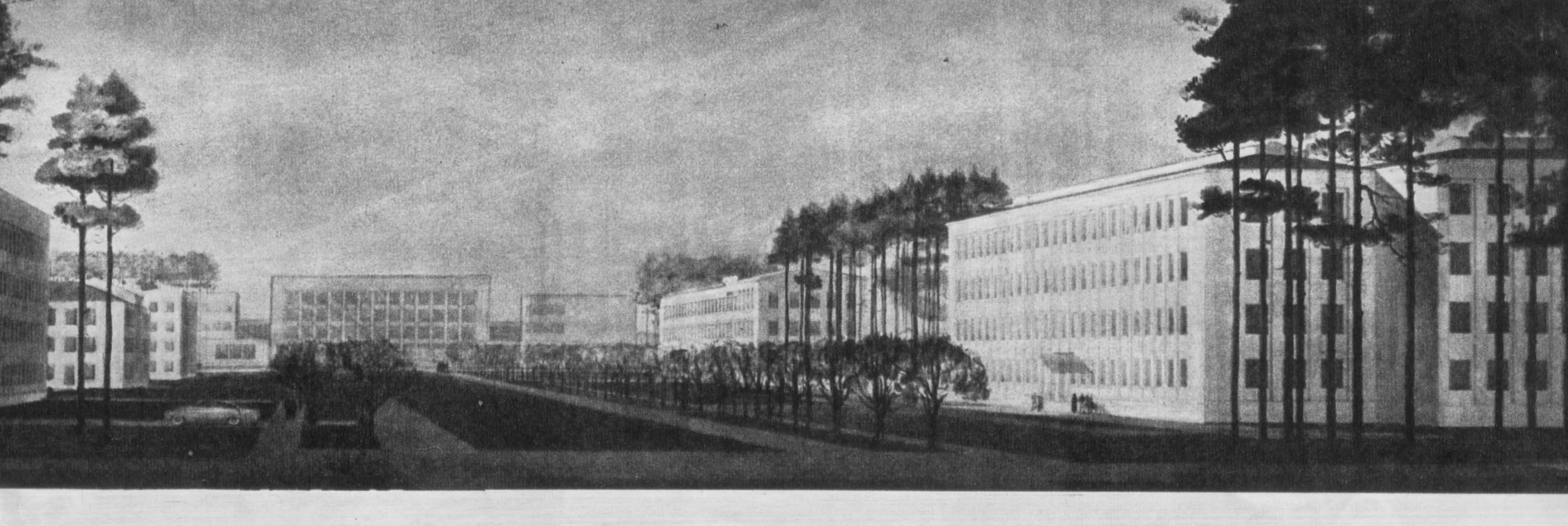
Воздух тут чистый, пряный, напоенный ароматом хвои и влажного приморского ветра.

— Знаете, — говорит Сергей Арутюнович, — в городке не будет ни одной дымящей трубы. Горячую воду подадут издалека. Хозяйки смогут пользоваться газом и электричеством.

— Изроете, значит, лес траншеями для коммуникаций?

— Нет, все коммуникации пойдут вдоль магистралей и дорог. В большом бетонном проходном тоннеле сконцентрируются все виды коммуникаций.

Мы идем по бетонному настилу все дальше от берега, то и дело уступая дорогу грузовикам. По бокам еще нет никаких признаков академгородка. Только лес, пока еще «дикий», не приведенный в порядок. То тут, то там изгибаются в нем дугами тонкие стволы берез, заломленных зимними снегопадами, тянутся стайки тонких,

Так будет выглядеть центральная улица научного городка.

как хвощики, осинок, лежит валежник. Но вот уже кое-где лес стал чище. Остались лишь хорошие, сильные деревья. Мелочь вырублена.

— Лес будут облагораживать, делать подсадки хороших пород,— говорит Сергей Арутюнович.— Под стройки пойдут в основном те его участки, где лес похуже. А кроме того, здесь появятся бульвары и сады. Весь город окажется в лесу и в садах.

Но вот наконец и начало стройки. Из-за леса подымаются строительные краны. Уже видны первые этажи первых многоквартирных жилых домов. Лес здесь кончается. Он распадается на перелески, и отсюда, с открытого пригорка, открывается вид на широкие степные просторы левого берега Оби. В голубой дымке белеет поселок строителей ОбьГЭС. А правей, совсем вдали, подымаются заводские трубы, телевизионная антенна и дома левобережного Новосибирска. Это — самое высокое место, здесь будут стоять институты. Много институтов. Сейчас их двенадцать. А намечается еще два.

В конце Академической улицы, на повороте дороги, у молодого соснового леска, уже возникают стены первого этажа Института гидродинамики, а несколько в отдалении, ближе к лесному массиву, работают экскаваторы на котловане для Института геологии и геофизики.

Сергей Арутюнович уходит со строителями, а я затеваю разговор с пожилым рабочим, остановившимся для короткого перекура.

— Посмотреть есть что,— говорит он.— Тут каждый день народу много бывает, все интересуются. Это мы академику Лаврентьеву строим институт. У него тут в лесу уже домик есть, самый первый поставлен, вроде как маяк. Наведывается он сюда частенько. Ему и коттедж будет в первую очередь. С себя начал, чтобы тут сразу же и обосноваться. А что? Правильно! И людям пример, и хозяин на месте. Ну, извините, некогда! — И, пыхнув папиросой, пошел к бригаде.

Здесь разворачивается широкий фронт работ. Каким-то ты будешь, новосибирский академический городок, задуманный как городок в лесу с ярким и оригинальным архитектурным обликом?

III

Мы с Борисом Григорьевичем Сигалом, директором Новосибирского проекта, которому поручено проектирование этого городка, рассматриваем большой макет.

— Взгляните в окно,— говорит он.— Вы увидите улицу — коридор, вдоль которого выстроились дома. Они стоят по периметру квартала. Это общепринятый принцип строительства городов, которого придерживались сотни лет. А теперь взгляните на макет. Принцип свободной планировки дает большие возможности. Он позволяет максимально использовать рельеф и сохранить существующую зелень. Он удешевляет строительство и создает условия для интересных, ярких и разнообразных решений городских ансамблей.

Я вглядываюсь, как бы с птичьего полета, в черты будущего города науки. Как будут выглядеть его ансамбли, многочисленные наброски перспектив которых сделаны архитектором Кочневым и его товарищами по работе? У города, окруженного кольцом леса, отчетливая геометрия, строго продуманная планировка. Здесь есть прямолинейные улицы, площади. И вместе с тем тут много необычного. Лес органически входит в архитектуру городских ансамблей. Система планировки города носит пейзажный характер. Большинство его улиц вьется между деревьями. Между дорогой и домами — зеленая зона. Асфальтовые тротуары «обтекают» деревья. Дома расположены так, что, двигаясь по улице, вы видите все новые и новые живописные архитектурные ансамбли. Каждый дом самым удобным и интересным образом «вписан» в рельеф, в лес. Для того, чтобы добиться совершенства в этом, делается несколько необычный в практике проектировщиков шаг: бригада проектировщиков выезжает на постоянную работу в строящийся городок и на месте будет окончательно «вписывать» каждый дом, на ходу корректируя проект. Это позволит сделать городок произведением живого строительного искусства.

Весь город четко зонирован, он максимально удобен для научной работы и жизни населения. Мы «идем» с архитектором А. В. Баранским из одной зоны в другую. Широкая лесопарковая защитная полоса — «зона отдыха» — отделяет городок от железной и шоссейной дорог, от Обского моря и его ветров, от городского пляжа и яхт-клуба. Зоны сменяют одна другую: вот жилая часть, снова полоса леса, зона институтов, коммунально-складская зона. В каждой из них есть свои резервы для дальнейшего развития. Вся жилая часть городка разделена на несколько микрорайонов. В них будет жить максимально по 6—7 тысяч человек. В таком микрорайоне своя зональность: тут есть жилая зона, зоны школы, детских учреждений, зеленых насаждений, магазинов, столовых, комбинат бытового обслуживания, хозяйственные зоны с гаражами и стоянками автомобилей, спортивная зона. Никаких задворков.

На главной, изогнутой в плане магистрали, объединяющей все зоны городка,— общественные здания. Здесь и Дом ученых, в большом зале которого можно провести любой научный съезд или конгресс, Дом культуры, кинотеатр, гостиница, музыкальная школа, библиотека, общегородские магазины, Дом связи, Дом Советов. На магистрали расположены университет, центральный крытый рынок, стадион и вокзал электрифицированной железной дороги.

— Обратите внимание,— говорит архитектор В. О. Зарецкий,— через территории микрорайонов не будет сквозных проездов. Здесь пешеходные аллеи, не пересекающиеся транспортом, и тупиковые заезды. Обширные гаражи для индивидуальных машин вынесены к магистрали. Детям не надо пересекать улиц. При этом, поскольку городок невелик, а транзитное и грузовое движение проходит за его пределами, он практически будет свободен от транспортного шума.

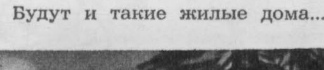
Что же касается институтов, то они предоставят ученым самые лучшие условия для работы. Для научного оборудования институтов будет собрано все лучшее, что есть в мире.

— Заметьте,— добавляет Б. Г. Сигал,— что весь городок создан не где-то на стороне, а здесь, в Новосибирске. Нам много помогает Госстрой, его главные эксперты, но все основное сделано тут руками большого коллектива сибирских архитекторов, которые представляют ныне серьезную силу среди архитекторов нашей страны. Недаром в Новосибирске открылся филиал Академии архитектуры СССР. Город растет, а с ним растем и мы, архитекторы.

Недавно состоялось первое собрание Сибирского отделения Академии наук СССР. «Большие дни сибирской науки»,— писали о нем местные газеты. На этом собрании обсуждались увлекательные планы развития Сибирского центра Большой Науки, его перспективы. Один из гостей, присутствовавших на заседании, человек осторожный и видавший виды, задал мне вопрос.

— Послушайте,— сказал он,— а вас не грызет червячок сомнения: получится ли все это так же прекрасно, как задумано? Те, кто создает ваше Сибирское отделение и научный городок — его энтузиасты и мечтатели, в хорошем смысле этого слова,— не слишком ли они романтизируют свое детище?

— Что ж,— ответил ему я,— жизнь всегда чем-то отличается от планов, и люди, строящие смелые планы,—всегда мечтатели. Но согласитесь: план создания крупного научного центра на востоке страны жизненно важен для ее развития. А опыт показал, что все, что жизненно важно, обретает в нашей стране реальность. Таковы особенности советской системы.

Будут и такие жилые дома...

А ЭТО — ПОДМОСКОВНЫЙ ВАРИАНТ

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото О. КНОРРИНГА.

Недалеко от Москвы есть красивейшее место — деревня Жуковка. Там-то, в средней школе № 35, ученики и создали свой школьный колхоз.

А все началось с поломанного трактора. Вместе с Владимиром Тиграновичем Атаровым, преподавателем труда и машиноведения, ребята отремонтировали эту полученную от соседнего совхоза машину и стали учиться пахать. Стремившихся овладеть техникой становилось все больше и больше, а «техника» оставалась прежняя — все тот же старенький трактор. Но вот на помощь пришла станция юных техников, и торжествующие мальчишки привезли на школьный двор еще два трактора, на этот раз уже новенькие, два плуга, сеялки, косилки. Так начало складываться хозяйство школьной МТС.

А когда Верховный Совет СССР принял Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций, ребята, потолковав меж собой, поняли, что у них-то в школе не МТС, а самый настоящий колхоз. Да, да, колхоз! И техника своя, и земля, и фруктовый сад... Свои трактористы и шоферы, бригады столяров и плотников и даже своя животноводческая ферма.

Было, правда, одно «но». Пяти гектаров земли пришкольного участка даже для школьного колхоза маловато.

Тогда созвали открытое комсомольское собрание школы, пригласили председателей и агрономов из соседних колхозов. Те охотно поддержали ребят, поручив им обработку еще около пятидесяти гектаров своих артельных земель.

Не для игры «в колхоз», не для забавы обзавелась школа своим хозяйством. Тут, на полях, ребята познают природу, учатся элементарной агрономии и зоотехнике, а главное, они приучаются к физическому труду, и, окончив школу, многие из них получат хорошие профессии.

Найдется о чем потолковать Толе Грушникову — председателю «школьного колхоза» — с Василием Акимовичем Грачевым — председателем соседней артели «Путь к социализму». Многому можно научиться у опытного колхозного вожака.

Заседает правление «школьного колхоза».

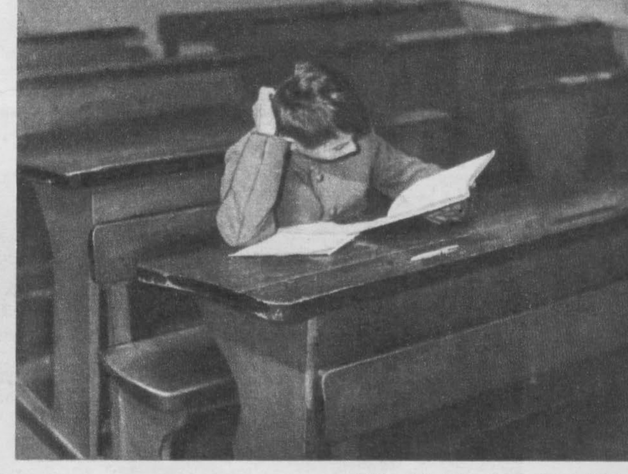
→

Больше всего юные колхозники любят свой машинный парк. Каждый, кому выпадает счастье взяться за баранку трактора, работает до тех пор, пока не наступит время для ждущего своей очереди школьника-тракториста.

Потому-то и приказывает Владимир Тигранович Атаров Леше Терехавкину: «Сделаешь еще два круга — и марш учить физику!»

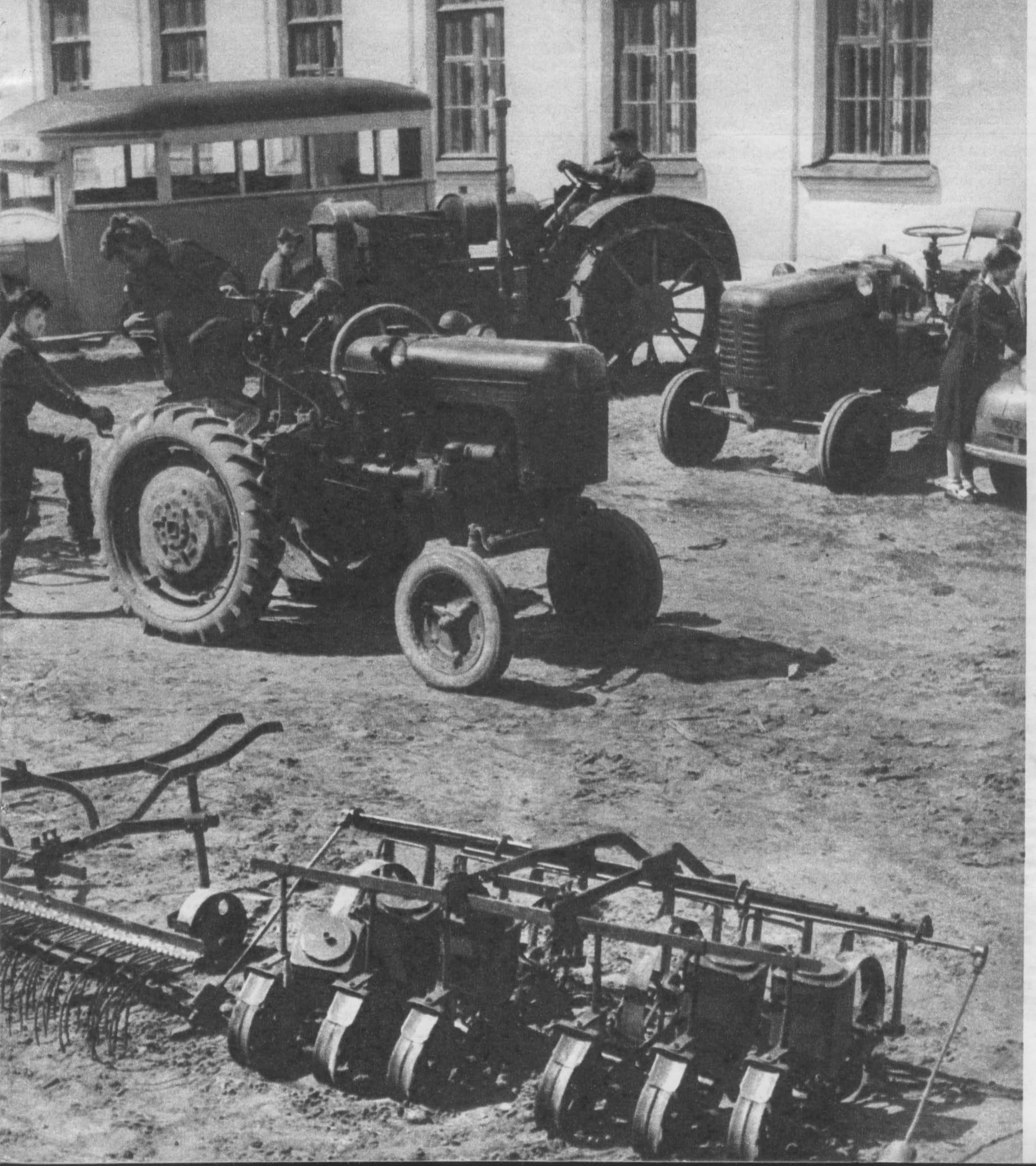
Среди юных колхозников не должно быть тех, кто плохо учится. Несмотря на отчаянные протесты, Яшу Рыбакова сняли с трактора и заставили готовить урок по математике.

На руках у Валерика Васина образец пока еще не богатой продукции животноводческой фермы. Крольчатником ведают ребята младших классов. Трогательно заботятся они о своих пушистых питомцах: сеют клевер, свеклу, морковь, кукурузу для корма.

Как приятно держать в руках первый документ о трудовой квалификации!
Володя Кочетков еще не закончил школы, но уже овладел интересной и почетной профессией тракториста. Вместе с ним трактористами стали 24 мальчика и 8 девочек, 46 ребят получили дипломы шоферов.

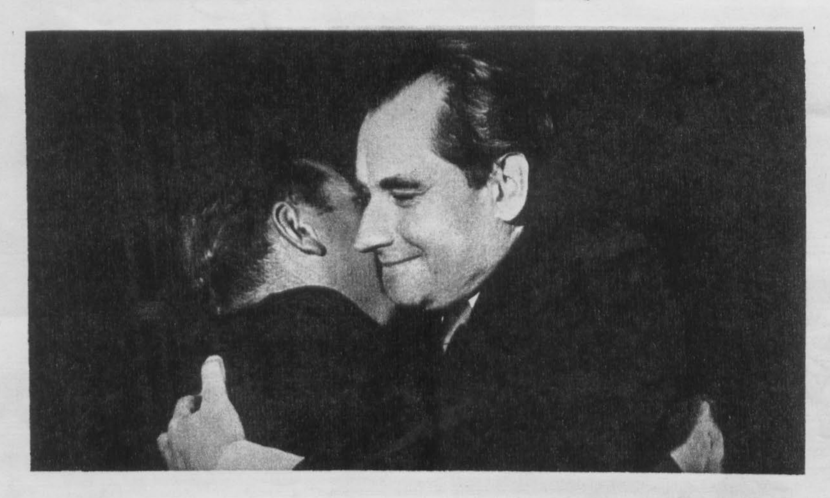

...«9-я школьная бригада» в Ставрополье... Учебно-опытные хозяйства в школах Рязанщины... Школьный колхоз в деревне Жуковке... Так, везде по-своему, в разных районах страны школы берутся приобщить ребят к общественно полезному труду. Какой вариант лучше? Не будем судить. Жуковцам, например, нравится то, что продукты, получаемые с пяти гектаров школьной земли, принадлежат школе. С колхозных же полей, которые закреплены за школой и обрабатываются ребятами, продукты получают артели — владельцы земли. Но ребятам начисляются трудодни, как полноправным колхозникам.

Окончив школу, многие ребята решили остаться работать в деревне. Среди них трактористы Володя Никольский, Дима Ларичев, Олег Старостин. И теперь, разбирая заявления, председатели соседних артелей уже хорошо знают, как работали ребята на полях, что они умеют делать...

Ребята же благодарны своему школьному колхозу за то, что он дал им профессию, привил любовь и уважение к труду...

ВСТРЕЧА НА КОНЦЕРТЕ

Встреча И. Дмитриева и С. Балашова.
Фото Г. Пастушкова.

Перед началом выступления в летнем театре кировабадского парка к народному артисту РСФСР Сергею Михайловичу Балашову подошел сотрудник Азербайджанского сельскохозяйственного института И. А. Дмитриев, офицер запаса, бывший танкист. Узнав друг друга, они крепко обнялись.

...В суровый 1942 год артист С. М. Балашов отдал свои денежные сбережения на постройку танка. В Нижнем Тагиле, в цехе крупного завода, он вручил боевую машину командиру танкового взвода лейтенанту Ивану Алексеевичу Дмитриеву.

Танк участвовал в боях при окружении сталинградской группировки немецко-фашистских войск. Экипаж его сражался под Харьковом, освобождал столицу Советской Украины Киев.

Последнюю весть С. Балашов получил от боевого экипажа, когда шли бои за освобождение Польши. И с тех пор он ничего не знал об Иване Дмитриеве и его боевых товарищах.

И вот теперь произошла эта необычная встреча на концерте в городе Кировабаде. С. Балашов узнал, что танк прошел в майский день 1945 года по улицам Берлина.

Л. ПОЛОНСКИЙ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«Стиральные хлопоты»

Статья С. Синельникова под таким заголовком, опубликованная в № 21 нашего журнала, вызвала ряд откликов, в которых отмечается, что «Огонек» правильно критикует работу коммунальных прачечных. Вместе с тем в откликах говорится о мерах, которые принимаются или должны быть приняты, чтобы избавить население от стиральных хлопот.

Заместитель министра коммунального хозяйства РСФСР тов. Д. Кореневкин сообщает, что разработан семилетний план развития прачечного хозяйства республики: мощность его увеличится в 4 раза. В течение нынешнего и будущего года все коммунальные прачечные будут переведены на двухсменную работу, что значительно увеличит их производительность. Налажен выпуск гладильных прессов новой конструкции, к концу года это позволит механизировать 25 процентов работы по глаженью всего фасонного белья, поступающего в прачечные. Вскоре будет проведена всесоюзная конференция, посвященная развитию прачечного хозяйства. Кроме коммунальников, в ней примут участие научные работники и представители совнархозов всей страны.

Как пишет тов. И. Иванов, директор Академии коммунального хозяйства имени Памфилова, научными работниками сконструировано много новых видов оборудования для основных и вспомогательных операций механической стирки белья: «Однако серийное производство всех необходимых машин, механизмов и приборов до сих пор не обеспечено, как вполне справедливо указано в «Огоньке». К производству их следует привлечь крупные машиностроительные заводы, так как имеющиеся немногочисленные и недостаточно мощные предприятия прачечного оборудования не могут полностью освоить серийный выпуск сложного оборудования. Но Московский городской совнархоз, например, не уделяет этому делу должного внимания, несмотря на имеющиеся возможности».

В Ленинграде, по сообщению управляющего городским трестом прачечных Г. Коваленко, начато строительство крупной прачечной. Для улучшения работы приемных пунктов и доставки белья на дом трестом получено дополнительно 12 автомашин. Репортаж «Огонька» обсуждался на совещании работников прачечного хозяйства, наметившем ряд мер по устранению недостатков и усовершенствованию технологических процессов. Так, на ленинградской фабрике-прачечной № 4 основные машины оснастят приборами автоматического управления, что улучшит стирку. Передовой опыт фабрики-прачечной № 17 будет популяризироваться на всех предприятиях треста. В письме ставится вопрос о подготовке кадров: «Ни одно учебное заведение не выпускает специалистов прачечного производства. Между тем это необходимо, так как технология усложняется. К тому же появляются, и со временем будут еще больше появляться, новые ткани из синтетических веществ, требующие сложной обработки при стирке».

Начальник управления коммунальных предприятий гор. Свердловска тов. С. Сурганов сообщает, что капитально отремонтирована прачечная № 4. Строится и в начале будущего года будет пущен в эксплуатацию банно-прачечный комбинат. В ближайшие два с половиной года в городе откроют 13 новых приемных пунктов.

В Горьком, как отмечалось в «Огоньке», мало приемных пунктов, а из-за нехватки транспорта нарушаются санитарные правила перевозки белья. В связи с этим начальник городского управления благоустройства и коммунальных предприятий тов. К. Перфильев известил редакцию, что для прачечных сейчас оборудуются специальные автомашины. В этом году в Горьком открываются 3 новых приемных пункта, первый из которых уже действует.

В третьем квартале этого года Пскову будет поставлено новое прачечное оборудование, пишет заместитель председателя горсовета тов. Н. Мальгин. Обсудив статью «Огонька», горсовет выделил в центральной части Пскова помещение для приемного пункта. Во втором полугодии будут предоставлены помещения и в других частях города.

Об аналогичных мерах сообщает заместитель председателя Тульского горсовета тов. И. Скарятин: в ближайшее время откроются новые приемные пункты в Привокзальном и Пролетарском районах города.

«Великолепно! Великолепно!»

Вместо ответа господин Жюльен поднимает руку кверху и повторяет одно слово: «Великолепно! Великолепно!».

Много театральных, оперных, балетных и фольклорных коллективов представляло лучшие образцы искусства различных стран в Париже на подмостках старого Театра Сары Бернар. Ежегодно сцена его на несколько месяцев превращается в «Театр наций». И господин Жюльен, директор театра, был неоднократно свидетелем восторженного приема, оказанного французским обществом итальянским, немецким, китайским, шведским, американским, и другим артистам. Но такого успеха, как у МХАТа, здесь еще не было ни у кого.

Мнение господина Жюльена, человека безусловно заинтересованного, полностью разделяет абсолютно беспристрастная публика.

Московский Художественный академический театр имени Горького пленил парижских зрителей и самых суровых критиков, вроде Жан-Жака Готье из «Фигаро». Они отдают ему должное по-честному, от души. Они пишут о совершенстве постановки произведений Чехова и непревзойденном мастерстве советских актеров, тогда как публика, придирчивая, избалованная парижская публика, каждый вечер разражается громом аплодисментов, вызывая актеров и заставляя снова и снова поднимать занавес, украшенный традиционной чайкой.

Что больше всего нравится публике и критике? На этот вопрос трудно ответить. Пожалуй, все. И показ чеховских героев без психологического коверканья, которым любят уснащать свои спектакли западные постановщики «Вишневого сада» и «Трех сестер». И само мастерство, когда актеры не просто «играют» Чехова, а живут на сцене, воплощаются в героев так, что люди, даже не знающие русского языка, улавливают малейшие их переживания. Наконец, весь неповторимый ансамбль...

«Все элементы спектакля доведены до совершенства»,— писала газета «Комба», отмечая высокий вкус и такт постановки, тогда как критик другой газеты самым серьезным образом говорил о «колдовстве».

Гастроли МХАТа — новый блестящий триумф советского искусства.

«От балета Моисеева до балета «Березки»,— пишет газета «Либерасьон»,— от Московского цирка до Кавказского ансамбля пляски, от балета Большого театра до постановок МХАТа — можно сказать, что Париж в сфере искусства живет в последние годы по «московским часам». И, выражая мнение сотен, тысяч зрителей, газеты радуются расширению культурных связей между двумя странами.

Мы не можем не разделить эту точку зрения.

С. ЗЫКОВ

Париж.

Фото В. Двинина.

Народная артистка СССР А. К. Тарасова и молодая артистка Л. Качанова возле гостиницы, где живут артисты МХАТа в Париже.

Исполнительницы ролей трех сестер в одноименном спектакле Чехова: М. Юрьева — Маша, К. Иванова — Ольга и Р. Максимова — Ирина — осматривают Париж.

А. А. Иванов (1806—1858). ДЕРЕВО У ОЗЕРА НЕМИ. Государственная Третьяковская галерея.

А. А. Иванов. НЕАПОЛИТА

ГОЛОВА МАРИИ МАГДАЛИНЫ.
Начало 1830-х годов.

ЧЕРНОВОЛОСЬ

НСКИЙ ЗАЛИВ У КАСТЕЛЛАМАРЕ. 1846.

Государственная Третьяковская галерея.

Й МАЛЬЧИК. 1840-е годы.

СТРАННИК.
Предполагаемый автопортрет.
1830—1840-е годы.

А. А. Иванов.
ЖЕНИХ ВЫБИРАЕТ СЕРЬГИ ДЛЯ НЕВЕСТЫ. 1838.
Акварель.

Государственная
Третьяковская галерея.

ИСТИННЫЙ ХУДОЖНИК

М. АЛПАТОВ,
действительный член Академии художеств СССР

Сто лет назад Александр Иванов вернулся в Петербург из Италии, чтобы отчитаться перед родиной своей огромной картиной «Явление Христа народу». У него были обширные планы на будущее. Однако чиновный Петербург, от которого зависела судьба художника, встретил его холодно, если не сказать враждебно. Казенные эстетики постарались бросить тень на создание мастера. Только у передовых людей Иванов находил признание. Герцен и Чернышевский, молодые еще тогда Стасов и Крамской с горячим сочувствием отнеслись к нему. «Значение Иванова возрастает, и можно с уверенностью пророчить еще бо́льшее возрастание в будущем». Эти слова Крамского сбываются в наши дни.

Личность Иванова вызывает восхищение прежде всего своим душевным благородством. Иванов жил в царской России в годы политической реакции. Но это был свободный человек, который высоко держал голову, судил обо всем с удивительной верностью и прямотой. У него не было покровителей, ему ненавистно было заискивание. Его главной опорой была внутренняя убежденность в своей правоте, и перед ней должны были отступать недоброжелатели. С виду робкий, нерешительный, Иванов всю жизнь держался на передовой линии тяжелой, неравной борьбы с академической рутиной и никогда не сдавал позиций. Вдали от родины он не забывал своего гражданского долга, обязанности служить делу освобождения народа. Общаясь с иностранцами, он заботился о приумножении славы своей родины. Имя русского было для него источником патриотической гордости.

Он знал по опыту, как трудно сочетать долг гражданина с призванием художника. Но он разделял с Пушкиным завидную участь — быть всегда гражданином в своем творчестве. По выражению Герцена, Иванов был «истинным художником». Искусство было для Иванова высоким служением. Произведения бездумные, пустые, развлекательные казались ему чем-то недостойным и унизительным. Через искусство он стремился достигнуть правды, которую он не путал с правдоподобием, с обманом зрения, способным позабавить невежду.

Взыскательность Иванова к себе не имела границ. При всем его трудолюбии он никогда не превращался в старательного ремесленника, в самодовольно-холодного виртуоза. Он знал, что дело рук художника должно быть согрето чувством, любовью, страстью, окрылено верой и вдохновением, и только тогда ремесло превращается в искусство. Его привлекало в мире прежде всего все здоровое, цельное, яркое. Но он не отворачивался от жизненных противоречий, от теневых сторон, и потому его искусство так широко и многогранно охватывает действительность.

Скромный в своей личной жизни, Иванов имел самое высокое представление о роли художника.

Многое в тогдашних условиях мешало Иванову осуществить свои творческие планы. Рост художника был порою мучительно труден. По мере того, как расширялся его умственный кругозор, менялся характер его искусства. Натура ищущая, Иванов не мог стоять на одном месте. Одно для него было всегда несомненно: художник может служить только тому, в чем он безоговорочно убежден. На каждом повороте своего пути Иванов всем своим существом отдавался захватившим его идеям.

Герцен верно угадал в Иванове ту непочатую русскую натуру, которая внушала ему веру в будущность России. Широта натуры делала для Иванова невозможной цеховую узость, догматический фанатизм, привязанность к мертвой букве.

Иванов отдал свои лучшие силы картине «Явление Христа народу». Но когда для этого представлялся повод, он щедро проявлял свое дарование в других родах творчества. В его подготовительных этюдах поражает зоркость и психологическая проницательность портретиста. В небольших жанровых акварелях много изящества и тонкого юмора. Его дивные пейзажи говорят об отзывчивости к величию природы, которой мог бы позавидовать присяжный пейзажист. В библейских эскизах нежданно вспыхнул огненный дар воображения, смелая фантазия, способность невиданное и небывалое сделать наглядным и осязаемым.

Чуть не всю свою жизнь Иванов посвятил изучению творений великих мастеров итальянского Возрождения, античных мраморов и фресок. Позднее он увлекался памятниками древнего Востока. Незадолго до смерти он подошел к пониманию древнерусской живописи. Иванов был убежден, что без проникновения в накопленные человечеством художественные ценности современный художник не может создать что-либо значительное.

Верность традиции не исключала в Иванове смелого новатора. Новаторство Иванова было в том, что он угадывал общий ход умственного развития человечества, его потребность в новых художественных образах, новом строе чувств, новых формах видения мира. В своих собственных исканиях Иванов находил выражение этим потребностям. Он много сделал для того, чтобы избавить искусство от мертвящих условностей академической школы, нащупывал новые приемы световой живописи на открытом воздухе, новые красочные аккорды, способные выразить мировосприятие людей нового времени.

Реалистические достижения Иванова имели основополагающее значение для всей русской школы живописи XIX века. Иванов сохранил значение новатора до наших дней. Наши художники учатся у него целостному решению задач, в котором поэтичность мотива неотделима от поэтичности формы.

Прошло сто лет со дня кончины замечательного мастера. Эти годы не изгладили его имени в памяти потомства. Теперь все яснее вырисовывается величие художника. Недавние выставки произведений Иванова в Москве, Ленинграде и Киеве показали огромность оставленного им наследия. Имя Иванова дорого каждому советскому человеку как предмет горячей любви и национальной гордости. Мы вправе утверждать, что Иванов не только один из величайших гениев нашего искусства. Его имя должно быть поставлено рядом с именами крупнейших зарубежных мастеров первой половины XIX века, таких, как Энгр, Делакруа, Констебль, Коро. Творчеством Иванова русский народ внес ценный вклад в мировое искусство.

ТЕПЕРЬ — В МОСКВЕ

В. ВИКТОРОВ

Москва принимает сильнейших гимнастов мира. На четырнадцатом по счету первенстве будет решаться, кто станет чемпионом мира на следующие четыре года.

Решить этот вопрос будет совсем не просто. Если до 1952 года в мире была известна большая гимнастическая тройка, в которую входили Швейцария, Финляндия и Германия, и гимнасты этих стран, как правило, делили между собой призовые медали и олимпийские лавры, то после XV Олимпийских игр это равновесие было полностью нарушено: соревнования стали выигрывать гимнасты СССР.

И вот теперь мы увидим в Москве лучших гимнастов Финляндии и Федеративной Республики Германии (гимнасты Швейцарии в последние годы в крупных международных соревнованиях участия не принимают). Финские гимнасты наибольшего успеха добились в 1948 году на XIV Олимпийских играх, завоевав там командное первенство, но и в последующие годы не раз закрепляли за собой призовые места. Судя по всему, они готовы к борьбе и сейчас. Раймо Хейнонен отлично выступает на перекладине, Калеви Су-

Дружеское рукопожатие: румынская гимнастка Елена Леустяну-Теодореску и Лариса Латынина.
Фото Румынского телеграфного агентства.

Лучшая гимнастка Чехословакии Ева Босакова.
Фото Н. Науменко и И. Баранова.

народных состязаниях. На первенстве мира в Риме золотую медаль получила Галина Шамрай, на Олимпийских играх в Мельбурне почетную победу одержала Лариса Латынина, и она же в 1957 году завоевала Кубок Европы, установив при этом своеобразный рекорд: она была первой во всех четырех упражнениях, из которых состоит женское многоборье. Но у себя дома Ларисе Латыниной приходится выдерживать ожесточенную борьбу с равноценными соперницами. Чемпионкой Спартакиады народов СССР стала Т. Манина, а золотую медаль абсолютной чемпионки СССР в 1957 году получила С. Муратова.

В женской команде СССР мы увидим также Полину Астахову, Лидию Калинину — молодое пополнение сборной команды СССР.

Напряженной будет борьба за золотые медали среди мужчин. Главными соперниками гимнастов СССР окажутся, вероятно, спортсмены Японии.

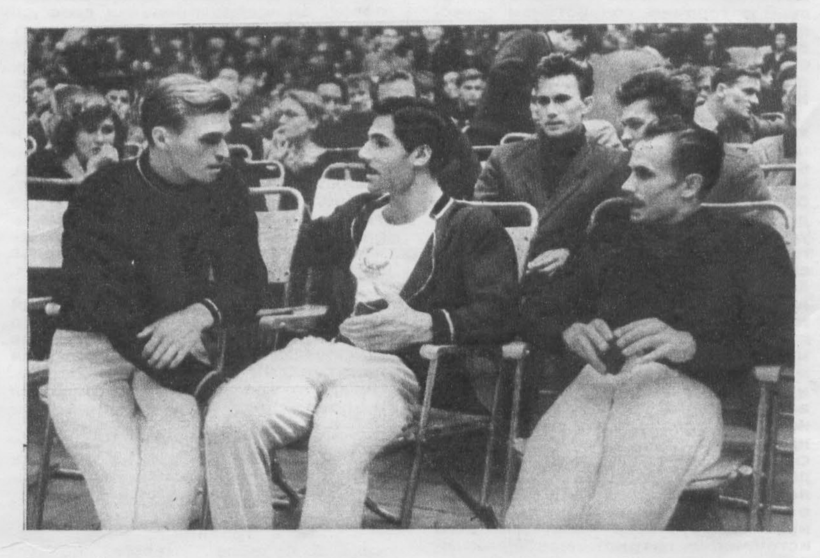
...Когда на XV Олимпийских играх 1952 года стало известно, что пятое место заняла команда Японии, многие были искренне этим удивлены. Ведь гимнастика — спорт больших традиций, долгой и кропотливой подготовки. Как же

первенстве советские спортсмены смогли оторваться от японских лишь на 1,85 балла.

Еще большего напряжения достигла борьба двух команд на третьих дружеских играх молодежи в Москве в 1957 году. Почти во всех упражнениях первое и второе места разделили советские и японские гимнасты. До последнего снаряда Такаси Оно боролся с Борисом Шахлиным за победу в многоборье, и советскому спортсмену удалось в конце концов оторваться от своего соперника всего на тридцать пять сотых балла.

И вот теперь этот спортивный спор, начатый в Риме, продолженный в Мельбурне и Москве, снова разгорится во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Личное и командное первенство мира будут оспаривать гимнасты двадцати четырех стран. Среди представителей Японии мы увидим Такаси Оно, Масао Такемото, Нобуюки Айхара и других.

На этот раз во Дворце спорта не выступит замечательный советский гимнаст Виктор Чукарин, закончивший свой спортивный путь после того, как он завоевал еще раз олимпийское первенство в 1956 году в Мельбурне. Чукарин

Сильнейшие гимнасты СССР Борис Шахлин, Альберт Азарян и Павел Столбов.

ониеми показывает высокие результаты на брусьях и на коне, Сакари Олкконен хорошо выполняет вольные упражнения и прыжки.

Мы увидим хорошо подготовленных гимнастов ФРГ, а также гимнастов ГДР — Фрица Бема, Вернера Дрешера, Вольфганга Гипсера, впервые выступающих на официальных международных состязаниях. Будут выступать в Москве и прогрессирующие гимнасты — швед Торрессон, американцы Бекнер и Вега, люксембуржец Штоффель.

Упорно тренировались к этим ответственным соревнованиям гимнасты Китайской Народной Республики, Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии. Особенно хорошо подготовлены женские составы этих команд. Елена Леуштяну-Теодореску (Румыния), Ева Босакова (Чехословакия), Н. Кот (Польша), несомненно, окажут серьезное сопротивление нашим гимнасткам.

Вот уже шесть лет, как советские гимнастки выходят неизменно победительницами во всех между-

Чемпион мира Валентин Муратов выполняет опорный прыжок.
Фото А. Бочинина.

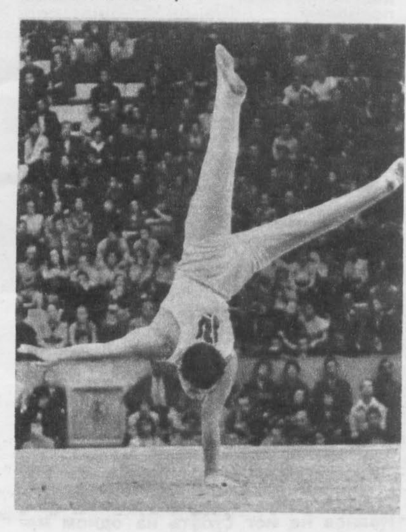
удалось японцам, никогда не отличавшимся в этом виде спорта, так быстро воспитать своих спортсменов?

Невысокие, гибкие, сильные японские гимнасты обладают железной выдержкой. Они не стесняются учиться у других, используют малейшую возможность для того, чтобы изучить манеру лучших гимнастов мира. Японские спортсмены настойчиво фиксировали на кинопленке выступления Виктора Чукарина, Валентина Муратова, Гранта Шагиняна и других гимнастов СССР.

Особенно успешно японские гимнасты выступали на первенстве мира в Риме по произвольной программе. И если в личном первенстве по многоборью все первые четыре места пришлись на долю советских гимнастов, то в командном первенстве после спортсменов СССР второе место, оттеснив швейцарцев и немцев, заняли японцы.

На Олимпийских играх в Мельбурне немалых усилий стоила Виктору Чукарину победа в многоборье над Масами Кубота. Чукарин опередил Кубота всего на пять сотых балла. В командном

стал тренером, но у него отличные «заместители»: Валентин Муратов, Борис Шахлин, Альберт Азарян, молодые гимнасты Юрий Титов, Павел Столбов, Владимир Липатов. Им-то и предстоит продолжить спортивный спор с сильнейшими гимнастами мира.

Такаси Оно (Япония).
Фото Н. Волкова.

НУЖНА СМИРИТЕЛЬНАЯ РУБАШКА!

Э. КУТНИК

Рисунок Ю. ГАНФА.

Огромный кабинет, обставленный старинной мебелью. На стенах географические карты; в книжном шкафу редкие издания священного писания, многотомная библия и прочие уникальные публикации этого рода. В глубине кабинета, у одного из окон, большой письменный стол, сплошь заваленный рукописями, оттисками, гранками и биржевыми бюллетенями с разноцветными пометками. А за столом семидесятилетний старик, воздев «очи горе» (один глаз косит), перебирает четки. Тишину кабинета нарушает лишь монотонное тикание стенных часов и едва слышное бормотание...

В смежной комнате двое сравнительно молодых людей донимают секретаря: скоро ли кончит?

— Кто его знает. У него как когда. Сегодня, полагаю, канитель может затянуться. К тому же (с улыбкой), как только шеф закончит разговор с богом, он тут же возьмется за передовую.

— О чем же он сегодня собирается писать: опять о России или что-нибудь божественное?

— Трудно сказать. Но, судя по подготовленным досье,— о военных приготовлениях и темпах вооружений. Ведь у него с утра торчали эти джентльмены от большого босса!

...Дэвид Лоуренс — редактор журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» и ведущий обозреватель влиятельной американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» — по профессии журналист, а по всему своему облику мракобес и ханжа. С виду он благоговейный слуга всевышнего, на деле поклоняется лишь доллару.

Еще Шекспир писал:

Нет явного порока, что б не принял
Личину добродетели наружно.

Нечистые помыслы и дела свои Лоуренс драпирует бесконечными благочестивыми сентенциями. Временами создается впечатление, будто полосы его журнала — амвон, с которого этот новоявленный пророк возвещает свои откровения.

Перелистаем некоторые книжки «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» хотя бы за текущий год. В номере от 24 января Лоуренс трактует тему о всемогуществе бога. Подобно своему тезке — библейскому царю Давиду,— он доказывает, что от бога никуда не спрячешься: в воду — он там, в землю — тоже, на небо — и подавно. Рассуждения о тщетности попыток смертных проникнуть в тайны вечности нужны ему, чтобы «развенчать» советские спутники. Он, видите ли, не возражает против общего мнения, что советские спутники — это «истинное чудо». Но только сотворено оно... господом богом, а не советскими безбожниками, которые кощунственно приписывают себе здесь приоритет.

Поставив вопрос: «Чей спутник? (статья так и озаглавлена), выражает ли он успехи человека в науке?»,— Лоуренс мотивирует отрицательный ответ ссылкой на библейский эпизод с Содомом и Гоморрой: «сера и огонь», которые господь некогда на них обрушил, по существу, были метеорами, напоминающими современные спутники Земли, а отсюда следует, что только «священные писания всех религий, возможно, откроют человеку истинное значение спутников. Ибо если снаряды, ракеты и спутники и созданы человеком, то разве они не подчиняются божьему закону?»

Но не думайте, будто писания нашего героя ограничиваются подобной ханжеской галиматьей. Гораздо больше интересуют его дела земные: его творческое воображение питается прежде всего интересами торговцев оружием. И не случайно: он ведь не только обслуживает своим пером военно-промышленные корпорации, как это делают прочие американские публицисты; нет, Дэвид Лоуренс не таков, он сам имеет прямое отношение к крупному бизнесу. И речь тут идет не о такой мелочи, как «дотации» в сумме двух миллионов долларов, которые его журнал за семь лет, по свидетельству Эдгара Кемлера, получил от крупных финансовых воротил — Отто Кана, Саймона Гуггенхейма и Маккормика. Ведь «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт»— собственность не только семейства Лоуренсов, но и крупнейшего «Чейз Манхэттен бэнк», точнее, династии Рокфеллеров — главных вдохновителей «холодной войны».

Еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», помимо обильной рекламы изделий военно-промышленных компаний, посвящает свои полосы главным образом систематической пропаганде гонки вооружений и усилению милитаризации США.

Правда, с годами, говорят, приходит мудрость. И теперь Лоуренс осмотрительно избегает прямых призывов к войне с Советским Союзом, как он это делал, скажем, в 1946 году. В его журнале применяется более «гибкая» тактика. Теперь главные усилия сосредоточены на том, чтобы доказать, будто СССР собирается напасть на США и что, следовательно, последним нужно перехватить инициативу. Так, например, в одной из передовых Лоуренс вопрошает: «Должен ли американский народ ждать, пока Советы усовершенствуют свое оружие?» И чтобы обосновать желательный для себя ответ, в следующих номерах публикует специальную подборку на тему о «горячей стороне холодной войны»...

Статьи Лоуренса представляют своеобразный барометр обратного действия: малейшее прояснение на международном горизонте, предвещающее возможность сокращения барышей у торговцев смертью, вызывает бурю из-под его пера. Так было еще в период Женевского совещания глав правительств четырех держав летом 1955 года, и то же повторяется всякий раз, как возникают хоть какие-нибудь новые веяния в международной атмосфере, когда мирные усилия Советского Союза начинают приносить плоды.

Не только в Западной Европе, но и в США множатся голоса, выступающие против «холодной войны». Вот это больше всего и бесит Дэвида Лоуренса. «На Западе,— притворно удивляется он,— находятся простаки, которые все еще хотят переговоров с Москвой на совещании в верхах», и, потеряв всякое самообладание, вопит: «Нет основы для переговоров с людьми, сидящими в Кремле!» И как ему не вопить: ведь если б, например, главы правительств договорились хотя бы о самом скромном мероприятии по разоружению, акции военно-промышленных монополий покатятся вниз. Лоуренс возмущен тем, что население Англии и Америки «запугивается», как он выражается, постоянной пропагандой против ядерных испытаний. «Просто поразительно, — восклицает он, — как много людей в конгрессе и парламентах западного мира готовы поверить русским!»

В последнее время Лоуренс взял за правило обвинять в «предательстве» всех тех, кто критикует правящие круги США за отрицательную реакцию на решение СССР односторонне прекратить ядерные испытания. Вместо того, чтобы прекращать испытания ядерного оружия, пишет он, лучше сосредоточить все внимание на том, чтобы... ликвидировать Советскую власть в Москве!

Но ведь Дэвид Лоуренс — «христианин», и притом, как мы видели, весьма благочестивый. По уверению американского журнала «Нейшн», он даже заслуживает похвалы «за христианскую терпимость». Поэтому, обращаясь к народам социалистических стран, он готов простить им их «заблуждения». Правда, при одном непременном условии: если они откажутся от социализма, изменят свой образ жизни, сменят руководство, ибо, как он выражается, «не может быть ни сокращения вооружений, ни разоружения до тех пор, пока народы, находящиеся сейчас за железным занавесом, не будут свободны».

Таково обычное явление американского образа жизни: мракобесы выступают в роли ревнителей свободы.

Газета «Нью-Йорк пост», обсуждая как-то вопрос о том, почему эпидемия военного психоза в США принимает такие угрожающие размеры, напоминает, что с каждого доллара, расходуемого на медицинские исследования, психиатрия получает только пять центов. «Мы не утверждаем, — пишет газета, — что увеличение расходов на психиатрические больницы положит конец бешеной гонке вооружений. А все же смирительная рубашка на некоторых спасла бы большинство людей».

К Дэвиду Лоуренсу, как видно, это имеет прямое отношение.

ВЫСТАВКА ЦВЕТУЩЕЙ УКРАИНЫ

Общий вид республиканской выставки передового опыта в народном хозяйстве.

Фото Н. Козловского.

Не так давно на этом месте были пустые поляны. А теперь тут настоящий мичуринский сад, занявший ни много, ни мало целых восемь гектаров. Сюда были искусно пересажены лучшие районированные сорта фруктовых деревьев и ягод.

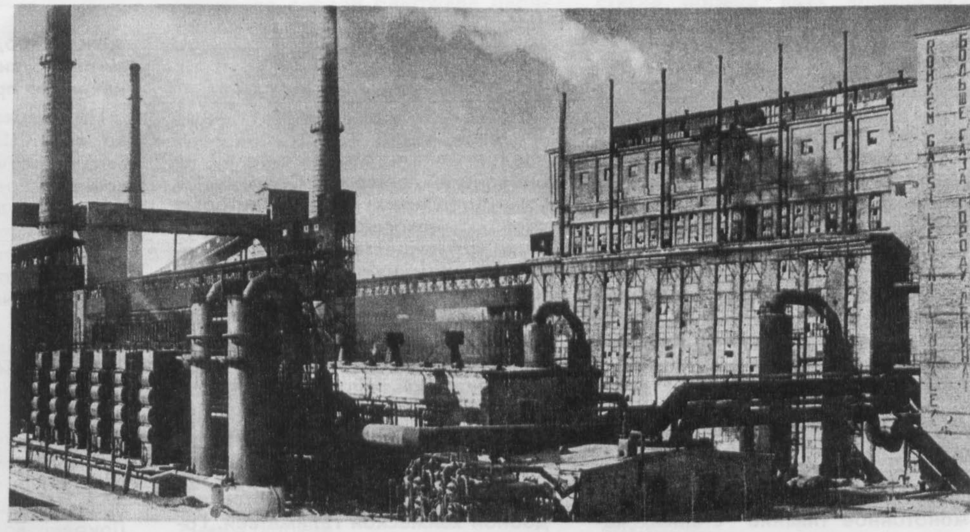
Плодоносный мичуринский сад украинских мастеров садоводства — один из экспонатов открывающейся республиканской выставки передового опыта в народном хозяйстве.

Выставка находится близ окраины Киева — Сталинки. Узорная ограда протянулась вдоль шоссе, что идет из Киева на Белую Церковь. От Крещатика до центрального выставочного входа можно проехать троллейбусом. Издалека виден сверкающий золотом шпиль главного павильона. Здесь начало. Асфальтовые дорожки ведут во все уголки выставки, где, кроме одиннадцати монументальных павильонов промышленности и сельского хозяйства, насчитывается около двухсот различных сооружений — оранжерей, теплиц, ферм, станций, прудов, театров, читален, ресторанов. А вокруг разбит чудесный лесопарк.

— Республиканская выставка,— сказал ее директор Владимир Иванович Кривошеев,— раскинулась на площади более трехсот гектаров. Примерно десятую часть этой площади заняли поля, на которых показаны растения в натуре. Выставка будет работать круглый год. В воскресенье, 6 июля, состоится торжественное ее открытие: оно приурочено к знаменательной дате — сороколетию Коммунистической партии Украины.

В. ШУМОВ

ХИМИЯ ГОРЯЩЕГО КАМНЯ

Комбинат в Кохтла-Ярве.

Фото Д. Пранца.

В начале прошлого века мальчишки-пастухи нашли на баронском пастбище в северной Эстонии куски легкого желтого камня и сложили из них печку. Только собрались ребята испечь картошку, как вдруг печка загорелась. «Пылевкиви» — горящим камнем — назвали ребята свою находку — сланец.

Перед первой мировой войной русские ученые установили, что между городами Раквере и Нарва залегает богатый пласт сланца. Позднее в буржуазной Эстонии немецкие и шведские концессионеры построили несколько небольших заводов по выработке из сланца топочного масла и автомобильного бензина.

Но настоящее индустриальное развитие этого района началось лишь в годы Советской власти. Сегодня на эстонском сланце работают мощные комбинаты, снабжающие бытовым газом Ленинград, Кохтла-Ярве, Таллин. Построены новые заводы, которые производят не только масла и жидкое топливо, но и полировочные лаки, опрыскиватель для растений, заменитель олифы, гипосульфит, множество химических продуктов...

И все же это только первые шаги сланцехимической промышленности.

Новые предприятия начинают строиться в Эстонии. На территории комбината Кохтла-Ярве сооружается цех ароматических углеводородов — сырья для различных пластических масс. Строится цех высококачественного клея, часть которого пойдет на Таллинскую фанерно-мебельную фабрику для изготовления древесно-стружечных плит.

Трудно представить себе нарядную блузку из... сланца? И все же, вероятно, скоро мы будем носить такие блузки: из окисленного химическим путем сланца может быть получена адипиновая кислота — основа для искусственного волокна.

Рядом с заводами бытового газа, обслуживающими Ленинград, Таллин, Кохтла-Ярве и другие города, вырастут крупные цехи. Около тридцати продуктов переработки сланца будет получено в ближайшие годы.

Н. ХРАБРОВА

«Сашка-летник»

В Свердловском аэропорте у самолета «ТУ-104» хлопотал человек с веселыми глазами.

— Александр Кузнецов, руководитель полетов,— представился он.

Рассказывая о военных годах, Александр Васильевич лишь вскользь упоминает о сбитых им трех фашистских самолетах, об ордене Красного Знамени, полученном из рук М. И. Калинина. Недолго привелось ему, истребителю, сражаться с врагом в воздухе.

Однажды после боя, раненный в руку, голову и живот, он выбросился из горевшего самолета на парашюте и попал в плен. Каким-то чудом он выжил, а когда немного окреп, то первая его мысль была о побеге. Ее удалось осуществить только через несколько месяцев — Кузнецов бежал из концлагеря в Лодзи. Поляк-текстильщик проводил Кузнецова на конспиративную квартиру, и вскоре советский летчик Кузнецов встретился здесь с руководителем подпольного антигитлеровского движения в Лодзи товарищем Игнацем.

Боевая работа началась с малого. Раздобыли три пистолета, и Кузнецов с небольшой группой стал по ночам обезоруживать загулявших немецких офицеров. Потом провели несколько налетов на квартиры гитлеровцев и напали на немецкий склад оружия.

Через месяц боевая группа «Сашки-летника», как прозвали поляки Кузнецова, насчитывала уже двадцать хорошо вооруженных бойцов.

Но вот гестаповцам удалось захватить подпольную типографию и арестовать многих коммунистов. Взволнованный пришел в этот вечер Игнац на очередную явку с Кузнецовым.

— Нужно показать, что мы продолжаем бороться.

Решили в ночь под 1 Мая пустить под откос эшелон. Кузнецов с небольшой группой польских партизан пробрался на железнодорожную линию. Операция прошла успешно, но когда партизаны возвращались в город, уже всюду по улицам рыскали встревоженные гестаповцы. Кузнецова остановили два немецких жандарма с овчаркой:

— Документы!

По паспорту, изготовленному подпольщиками, Александр Васильевич значился уроженцем Западной Белоруссии.

— Почему так далеко от места жительства? Руки вверх! — крикнул жандарм, расстегивая кобуру.

Выхватив пистолет, Кузнецов двумя выстрелами уложил жандарма и овчарку, бросился в переулок и задворками добрался до конспиративной квартиры.

Гитлеровцы бесновались. На всех улицах появились афиши с портретом Кузнецова: гестаповцам удалось захватить паспорт, который остался в руках у убитого жандарма. Голова отважного партизана «Сашки-летника» оценивалась в 30 тысяч марок.

Вскоре товарищ Игнац прислал Александру Кузнецову новый, более надежный документ. В паспорте на имя Станислава Козловского в графе «Особые приметы» стояло «таубштум» — глухонемой. С документами глухонемого Александр Васильевич Кузнецов разъезжал из города в город и устанавливал связи с диверсионными группами. По поручению подпольного партийного комитета он руководил курсами партизанских командиров, а затем возглавил бригаду, которая провела ряд крупных операций.

— Кончилась война, и вот уже одиннадцать лет я в гражданской авиации,— рассказывает Кузнецов.— С друзьями, польскими партизанами, связи не порываю. Товарищ Игнац — Игнацы Лога-Совиньский — теперь председатель Центрального совета профсоюзов Польши. Часто пишет мне Людвиг Спрух, на квартире которого была подпольная типография. Одно из моих писем он опубликовал недавно в лодзинской газете, и я теперь часто получаю вести от былых соратников...

Александр Васильевич вынул из ящика стола объемистую пачку, протянул нам конверт, из которого выпали две фотографии: пожилой женщины и маленькой девочки.

— Вот, прочтите.

В письме говорилось: «Не знаю, припомните ли вы меня. Я была под кличкой «Тетка», а дочери моей Марии тогда было 10 лет. Вбегает сегодня Мария с газетой и кричит: «Мама, дядя Саша жив!» Она вас так по старой привычке зовет, моя Мария, хоть сама уже давно замужем и растит сына».

— Это пишет Хелена Гриник,— задумчиво говорит Александр Васильевич.— На ее квартире была одна из подпольных явок в Лодзи.

Через несколько дней, когда мы снова встретились с Кузнецовым, он показал нам еще одно недавно полученное письмо.

— Помните, я рассказывал о поляке, который помог нам бежать из концлагеря? Нашелся теперь и он, этот дорогой мне человек. Генрих Гожонд — его имя.

Много таких верных боевых друзей у русского воина Кузнецова в братской Польше.

А. ГРИГОРЬЕВ

Stanisław Kozłowski
Unterschrift des Kennkarteninhabers
Podpis posiadacza karty rozpoznawczej
Warschau, den 5 OKT 1942
Der Kreishauptmann
Ausstellungsbehörde
Władza wystawiająca
Dienstsiegel
Pieczęć służbowa

Паспорт глухонемого, с которым А. Кузнецов разъезжал по Польше в период гитлеровской оккупации.

Судьба одной статьи

Два года назад, уходя на пенсию, педагог Андрей Никитич Колотилов написал статью «Развитие речи на уроках математики». Опубликованная в сборнике Министерства просвещения РСФСР, статья эта попала в народный Китай. Здесь ею заинтересовался преподаватель Вечерней культурной школы города Чэнду товарищ Чжень Сяо-ю. Зная русский язык, он перевел статью на китайский, размножил в нескольких экземплярах, распространил среди своих коллег.

И вот пришло из Китая письмо в Москву в адрес 71-й школы рабочей молодежи, где ранее работал Андрей Никитич:

«Наша школа, как и ваша,— вечерняя,— писали китайские товарищи А. Н. Колотилову,— поэтому ваши советы драгоценны для нас».

Старый учитель был тронут до глубины души.

Вид города Чэнду. Эта вышивка на шелке прислана китайскими друзьями в подарок Колотилову.

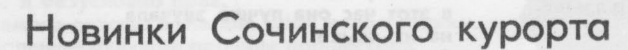
Вместе с ответным письмом он отправил в Чэнду подарок — книгу советского педагога М. П. Трутневой «Организация и методы работы в школах рабочей молодежи».

Так завязалась переписка, продолжающаяся уже более года.

А совсем недавно Андрей Никитич получил посылку из Китая. В ней были многочисленные фотографии, портреты Карла Маркса, Фридриха Энгельса и В. И. Ленина, искусно вышитые на шелке, и журнал «Сводки математики» № 12 за 1957 год. В журнале помещен перевод статьи А. Н. Колотилова «Развитие речи на уроках математики».

— Я горд и счастлив вниманием китайских товарищей, тем, что могу помогать им в воспитании молодежи, строящей социализм,— говорит Андрей Никитич.— Книга, которую я сейчас пишу, «Очерки истории элементарной математики», будет посвящена советско-китайской дружбе.

А. ЖУРАВЛЕВ

Новинки Сочинского курорта

С открытием летнего сезона значительно расширен Сочи-Мацестинский курорт. По решению Совета Министров РСФСР ему переданы соседние Лазаревский и Адлерский районы. Теперь территория курорта раскинулась вдоль берега Черного моря — от границы Абхазии на реке Псоу до Туапсинского района.

В живописном поселке Дагомыс открываются новый пансионат и туристская база. В Адлерском районе намечено строительство курортного городка на пять тысяч мест.

Хорошую инициативу проявил коллектив санатория «Волга». В обширном парке установлено 25 брезентовых палаток. Каждая палатка имеет дверь, деревянный пол и по меблировке не уступает жилым помещениям в спальнях каменного корпуса. При небольших затратах число мест в здравнице увеличилось на целую сотню! Любопытно, что многие прибывающие на отдых предпочитают жить в палатках, на свежем воздухе. Палатки устанавливаются также в санаториях имени Орджоникидзе и «Известия».

Жаль, что работники сочинских гостиниц не подхватили интересного почина.

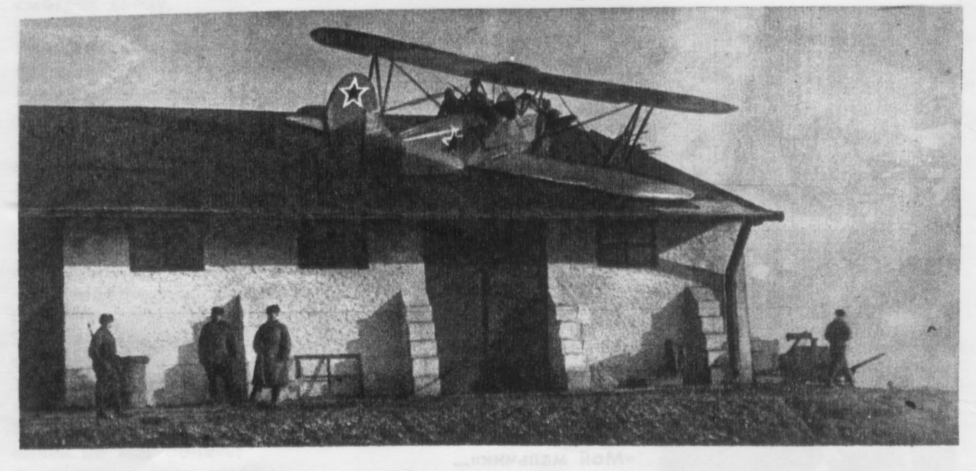
На пляжах появились станции гидровелосипедов. Это новинка. Катание на двухместных гидровелосипедах не только увлекательно, но и полезно людям, страдающим нарушением обмена веществ.

И. ЗАЙЦЕВ

На гидровелосипеде по морю.

Самолет на крыше

Недавно я обнаружил в своем архиве интересный снимок.

Это было в 1944 году в районе Тернополя. Наши войска вели тогда бои с гитлеровскими захватчиками. Проезжая мимо населенного пункта, мы видели, как летчик посадил свой самолет «У-2» на крышу сарая. Жаль, что из-за давности времени я не помню названия населенного пункта и не знаю фамилии летчика.

Может быть, увидя фото в журнале, летчик откликнется и поделится своими воспоминаниями об этой необычной посадке, которая, насколько я помню, обошлась без жертв.

Д. КОЧЕТКОВ

Ташкент.

81 градус ниже нуля!

Как завидуем мы сейчас полярникам Арктики: круглые сутки у них светит незаходящее солнце! А у нас в Антарктиде только недавно пошла на убыль полярная ночь.

На станции Советская в глубине шестого материка среднемесячная температура в марте была минус 54,4 градуса, в апреле — минус 60,5 и в мае — минус 67,2 градуса. Самая низкая температура, отмеченная нами за время южнополярной зимы,— 81,2 градуса ниже нуля. Таких морозов не знает даже Оймякон в Якутии, известный до сей поры как полюс холода земного шара.

Выдыхаемый людьми воздух звенит, металл теряет крепость, резина ломается, дизельное топливо становится вязким и густым, как мед.

Много труда, изобретательности требуется от зимовщиков, чтобы в таких условиях вести научные работы. С большой осторожностью и умением действуют радиотехник Герман Маликов и аэролог Генрих Маевский, добывая водород и наполняя им резиновые шары радиозондов. При любых морозах они каждый день регулярно зондируют атмосферу.

Как бы ни было холодно, врач Владимир Константинов не покидает теодолита, наблюдая за полетами радиозондов. Добываемые им сведения позволяют судить о температурах, скорости и направлении ветра на высотах над центральным районом Антарктиды.

Четыре раза в сутки мы проводим метеорологические и актинометрические наблюдения, что позволяет определить тепловой баланс высокогорного плато материка. Наблюдаем и за осадками и за поверхностным переносом снега. Все эти сведения передаются по радио в Мирный, в институт прогнозов в Москве, в некоторые синоптические бюро южного полушария.

Физическая работа на морозе и ветру на высоте около 4 тысяч метров над уровнем моря заставляет учащенно дышать. И мы стараемся как можно лучше защищать свои легкие от ледяного воздуха. Помимо специальных меховых костюмов, надеваем на лица кротовые маски с респираторами. Воздух, поступающий в респираторы из-под верхней одежды, обладает температурой несколько более высокой, чем наружный воздух, и это спасает легкие от обморожения. Когда каждый из нас выходит из помещения наружу, он экипирован так, что внешним своим видом напоминает водолаза. Но даже и в таком обмундировании нельзя оставаться на улице более 30—40 минут.

Тщательно утеплены наши жилые и бытовые помещения. Небольшие домики, связанные общим двориком, снабжены водяным отоплением, работающим на угле. Для обогрева бани и таяния снега используется тепло дизельных моторов электростанции. Внутренний крытый дворик служит нам своеобразным клубом. Здесь мы играем в шахматы, домино, смотрим кинофильмы, слушаем радиопередачи из Москвы, читаем книги — в нашей походной библиотечке 400 томов. Наша радиостанция поддерживает постоянную связь с Мирным, часто ловит сигналы третьего советского спутника. Нередко с нами вступают в дружеские переговоры радиолюбители многих стран.

Сколь ни сурова природа Антарктиды, мы продолжаем нести свою научную вахту. Всеми своими мыслями мы всегда с любимой Родиной.

Начальник станции Советская в Антарктиде
В. БАБАРЫКИН

Передано по радио.

Зарубежные гости в Мирном

Советские полярники в Антарктиде поддерживают контакт с двадцатью иностранными южнополярными станциями, обмениваются с ними научной информацией. Нередки и личные встречи ученых разных наций, исследующих шестой материк. Обсерваторию Мирный посещали с дружескими визитами американцы Д. Кэтчум, К. Эклэнд, Д. Шиар, австралийцы Ф. Лоу, К. Мазер, Ж. Адамс и другие.

Слева направо: американский синоптик Г. Д. Картрайт, советский летчик П. П. Москаленко, австралийский пилот П. Х. Клеменс на аэродроме Мирного.

Группа американских полярников знакомится с актинометрическими наблюдениями, проводимыми в советской обсерватории.

Фото Е. Иванова.

Алжирское солнце

Алексис ПАРНИС

День-ночь, день-ночь мы идем по Африке..
Киплинг.

От одной деревни мы идем к другой, убивая врага.
От одной резни мы к другой резне шагаем всегда...
Здесь, на этой земле африканской, очень дорога
вода.
Мы пьем ее скупо. Мы молимся этой воде.
Но зато на земле африканской специально для нас
очень дешевая кровь. Наверно, нигде
нет крови дешевле.
И мы ее льем, не скупясь.

Однажды утром в пустыне по законам этой войны
мы расстреливали алжирца.
И, как назло,
не нашли никакой — пусть даже завалящей — стены.
Но в этот момент за его спиною солнце взошло.
И было похоже: за ним золотая стена.
И он распростер руки,
как будто очень хотел он
защитить африканское солнце от наших пуль
собственным телом...

Он погиб, но спас своего союзника.
Солнце осталось жить.
Я понял хитрость алжирца,
руками я замахал:
«В солнце стреляйте! В солнце!
А то оно убежит!..»
Я начал стрелять,
но сильный удар бросил меня на бархан.
Мне сказали, когда я очнулся,
что это был легкий солнечный удар
и что я не первый француз, который
подобное на себе испытал...

От одной деревни мы идем к другой, презирая страх.
От одной резни мы идем к другой, потрясая оружьем.
Мы поем «Марсельезу», хрустит песок на зубах.
Мы поем о Бастилии,
которую здесь нам надо разрушить.
Мы идем, идем...
Но Бастилии мы не видим,
а видим деревни,
которые нам приказано уничтожить огнем и железом.
Мы встречаем детей и женщин,
стариков мы встречаем древних,
которых приказывают расстрелять.
Мы идем и поем «Марсельезу».

Однажды я слышал, как пели ее и они, эти люди.
Целый город. Целый африканский город.
Превратил он каждую улицу в жерло орудья,
и бросал нам в лицо песни гнева этот город.
Каждая песня летела на нас и крушила
наши ряды пострашней, чем снаряд.
Солдаты вязли в песке.
«Мы хотим свободы!
Мы требуем равенства!
Вон из Алжира!»
А потом началась «Марсельеза»
на их языке...

И клянусь:
в этот час она лучше звучала
на их языке.
Они пели и шли.
Шли на нас.
«Марсельеза» шагала на нас.
Мне казалось,
идет моя мать, чтоб ударить меня по щеке.
И я побежал.
Я не мог.
Я нарушил приказ...

Не помню, когда я бежать перестал.
Не помню, кто в строй поставил меня.
Не помню, как командир закричал: «Огонь!»
Одно только помню, помню, помню:
в этот день
я расстрелял «Марсельезу»,
в этот день
я убийцею матери стал...

В Алжире можно сойти с ума.
Забыться можно только во сне.
Быстро испаряются кровавые озера,
превращаясь в тучи, в грома́.
В Алжире бессильны врачи и рецепты.
Воздух Алжира душен и зноен.
В нем кислорода —
двадцать процентов
и ненависть —
остальное!
Покой давно не приходит ко мне,
и я повторяю опять:
забыться можно только во сне.
Но нам не дают спать.
Разве можно уснуть, если враг не спит,—
Алжир никогда не спит!
Он веками спал.
Он насытился сном.
Он желает теперь нам в лицо взглянуть...
А я мечтаю лишь об одном:
уснуть, уснуть, уснуть...

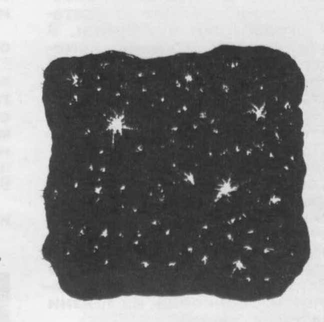

Мои ноги дрожат, будто мне сто лет.
Если точно считать, даже больше ста.
Как всякий колонизатор, я стар...
А мама
в письмах
называет меня:
«Мой мальчик»...
Напоминает она про школьные мои года́.
Спрашивает: помню ли я,
как сына она журила
за то, что, когда он возвращался из школы,
руки его всегда
были в чернилах!..

Мама, мама!
Я все это помню прекрасно.
Но тебе я тайну одну открою:
что ты скажешь теперь, когда руки мои
перепачканы красным —
перепачканы кровью!!

Пишет мама:
«Сынок, не волнуйся в дорогах
за любимые книги твои и тетрадки,—
никому я не разрешаю их трогать!
Книги ждут тебя
и стоят в том же самом порядке.
Возвращайся скорей.
Я горжусь своим сыном,
самым ласковым сыном,
самым красивым...»
Я читаю подробные письма эти.
Я смеюсь и плачу от горечи и от стыда.
Так смеется столетний старик, когда
вспоминает о мечте своей двадцатилетней.
Будто в старом, скрипучем шкафу,
в сердце своем я роюсь.
В этом сердце должны сохраняться мои мечты.
И они действительно там лежат неподвижной горою —
пожелтевшие, грязные, порванные листы.
Ни на что они не годятся.
Ничего от них не добиться.
Впрочем,
из них еще можно скрутить сигарету
и забыться...

Мне сто лет.
Даже больше, чем сто, вдвойне!
А два года назад двадцать лет было мне.
Вы не смейтесь. Я безусловно прав.
Математика с самого детства была для меня делом легким.
Не зря ж мне большое будущее прочили профессора
в науке, которую я выбрал,—
науке о звездах далеких.
Я хотел приказывать
расстояньям и срокам.
Я хотел стать строителем звездных трасс.
Я мечтал...
Но годы прошли,
и сейчас
я шагаю в Алжире по пыльным дорогам.
Звездные законы я позабыл.
Я с ними теперь незнаком.
Теперь я солдат,
оккупант,
и мне перечить не смейте.
— Убивать, убивать, убивать! —
я знаю только этот закон.
Я строитель кровавых дорог,
что ведут к смерти...

Звезды можно увидеть только, когда темно.
Но я вижу и днем их,
потому что для нас здесь и дни темны.
Вы знаете, как это страшно —
все время видеть одно:
товарищи, которых ты предал,
глядят на тебя с вышины.
Я решил не смотреть больше в небо,
но и это напрасно:
звезды отражаются в лужах крови,
смотрят снизу,
мне их не счесть.
Смотрят они, как глаза судьи,
которому все в моей жизни ясно.
Смотрят они, как глаза алжирца,
который готовит месть...
Мы идем, идем...
Мы ищем врагов, а врагов не видно.
Мы идем, идем...
От отряда нашего осталась лишь половина...

Мне нравится смотреть убитым в глаза. Всем подряд.
Они холодные и стеклянные, взгляд их очень покорен.
Не угрожают они, не обвиняют, не говорят...
Только тогда, когда будет такой и моя душа,
я буду спокоен.
Теперь я понял царя Эдипа,
понял, как надо на свете жить.
Трагедию понял, которую прежде
никак не мог понять:
он потушил свои глаза,
надо было душу свою потушить!
Только тогда успокоиться можно.
Только тогда можно спать...
Спать...
Мои товарищи спят, как дети.
Я завидую снам их душным.

Мои товарищи спят,
спят,—
они смогли убить свою душу.
И я опять один остаюсь в эту ночь, которая так темна!
Против тысячи глаз обвинителей застываю в оцепенении.
На меня, как присяжные, смотрят звезды,
на председательское место восходит луна.
А вот и Алжир —
главный свидетель обвинения...

Убейте душу мою! Я не спал сто ночей подряд!
Убейте душу мою!
Я спать, спать хочу...
Я криком своим пробуждаю уснувший отряд,
к ногам командира я падаю и кричу:
— В походе всему научил ты меня, командир.
Как истязать людей — научил.
Как поджигать дома — научил.
Как в стычках врага убивать — научил.
Как время в ночных кабаре убивать — научил.
Но как мне душу убить, мой командир!

Душу,
которая диким бредом приходит в ночи!
Этому ты не сумел научить меня, мой командир!
Есть время еще, командир.
Научи меня!
Научи!
Научи, и я буду исправно службу нести.
Научи, и тогда я добьюсь повышения в чине.
Научи,
потому что с живою душой невозможно такую войну вести!
Как убить мою душу, командир!
Научи меня!

Меня связали и в штаб привели утром ранним.
Голосом равнодушным доложил командир:
— Половина солдат убита.
Десять ранено.
Есть сумасшедший.
Один...

Меня заперли в темной камере. Я не смыкаю глаз.
Я хожу от одного угла к другому углу.
Я хожу из одной смерти в другую смерть.
Я хожу из одного часа в другой час...
Да нет же! Не сумасшедший я!
Доказать вам это берусь:
сумасшедший смеется там, где надо бы плакать,
сумасшедший плачет там, где надо смеяться,
а я, по-моему, очень правильно плачу и смеюсь.
Я плачу,
когда смеется наш отряд, до безумия храбрый,
ведущий на казнь алжирца, который почти не жил.
Я смеюсь,
когда слышу, как плачет колонизатор дряблый,
вынужденный закрывать свою лавочку и покидать Алжир.
Так кто же смеется правильнее!
Я или они!
Так кто же из нас сумасшедший!
Я или они!

Мама в письмах спрашивает:
когда я вернусь домой!
В последнем письме написала она
о событии удивительном:
люди далекой страны подняли в небо три новых звезды.
Боже мой!
Еще три обвинителя!
Еще три обвинителя!
Из всех обвинителей эти —
по отношенью ко мне —
самые строгие и безжалостные во все времена,
потому что они от земли и видели,
в какой я запачкан резне.
С опущенной головою я стою у окна.
И если вы хотите взглянуть на самого подлого человека,
смотрите:
это — я,
изменивший своей любви и мечте!
Это — я,
дезертировавший из двадцатого века
и пошедший на службу к средневековью,
к его темноте.

Я кричу, кричу,
я хожу от одного угла
к другому углу.
Я хожу из одной смерти
в другую смерть...

Перевел с греческого
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Планы журнала «Нева»

«Нева» — молодой литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей Российской Федерации. Совсем недавно журнал стал органом Оргкомитета Союза писателей РСФСР и Ленинградского отделения Союза писателей. Номера, вышедшие в этом году, свидетельствуют, что русские литераторы получили возможность многообразней освещать жизнь краев и областей Советской России.

— Прежде всего мы стремимся привлечь к участию в журнале как можно больше авторов, живущих и работающих в различных городах и селах Российской Федерации,— сказал главный редактор журнала Сергей Воронин.— Мы хотим, чтобы в «Неве» полнее и ярче были представлены писатели центральных областей, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Естественно, что читатель найдет в нашем журнале много и о Ленинграде — крупнейшем индустриальном и культурном центре страны.

Мы ознакомились с редакционными планами «Невы». В портфеле редакции — вторая и последняя части романа Михаила Шолохова «Поднятая целина». Шолохов недавно побывал в Ленинграде, познакомился с членами редколлегии журнала и поддерживает тесную связь с редакцией. Весть о том, что Михаил Шолохов передал свое новое произведение «Неве», вызвала живейший интерес у читателей. Они шлют письма, спрашивают, когда начнут печатать «Поднятую целину». Более нетерпеливые интересуются судьбой героев романа, полюбившихся им по первой книге. Зарубежные издательства обращаются с просьбой высылать роман Шолохова частями по мере набора, чтобы они могли быстрее его перевести и издать у себя.

Вторая книга «Поднятой целины» будет опубликована в восьмом и девятом номерах «Невы».

В шестом и седьмом номерах печатается роман Всеволода Кочетова «Братья Ершовы»; с отрывком из этого романа читатели «Огонька» имели возможность ознакомиться.

В майской книжке журнала напечатана повесть воронежского писателя Юрия Слепухина «Расскажи всем...». Автор повествует об инспирированном иностранной державой перевороте в Гватемале в 1954 году. Опубликована повесть о классовой борьбе в литовской деревне. Автор ее — русский писатель Константин Воробьев, живущий в Литве. Готовится к публикации роман писателя-дальневосточника Николая Шундика. Это произведение охватывает события на Дальнем Востоке с момента установления Советской власти до наших дней.

Александр Прокофьев, побывавший в Италии, выступает со стихами из «Итальянской тетради». Цикл стихов современных итальянских поэтов публикуется в переводах Ник. Брауна, А. Андреева. В разделе «Новые голоса» помещаются стихи молодых поэтов.

Осенью в Ташкенте соберется конференция писателей стран Азии и Африки. В связи с этим журнал помещает обзоры современной литературы Индии, Японии, статьи о Китайской Народной Республике, рассказы вьетнамских писателей...

После того, как «Нева» стала органом писателей Российской Федерации, расширен отдел публицистики, повышается его оперативность.

Разнообразной обещает быть почта «Невы», где публикуются небольшие заметки и зарисовки из жизни советских людей.

К. ЧЕРЕВКОВ

Дорога дружбы

Действие нового романа М. Колесникова «Удар, рассекающий горы» развертывается на строительстве железной дороги Китай — Советский Союз. Книга написана с большим знанием жизни. Эти знания отнюдь не книжные, не приобретенные понаслышке.

М. Колесников много ездил по Дальнему Востоку. Несколько лет автор провел в Китае. Многое из виденного, пережитого, глубоко прочувствованного писатель воспроизвел в романе «Удар, рассекающий горы».

На пути строителей железной дороги встал перевал Гуаньмынь — «Закрытые ворота». Если даже применить здесь всю наличную технику, то и тогда потребовалось бы не менее трех лет, чтобы преодолеть горный узел. А страна не может ждать. Сознавая это, два друга-инженера, китаец Чжан и молодой советский специалист Александр Бардин, разрабатывают проект массового взрыва, который сократит время работ до трех месяцев. Смелая мысль — одним ударом рассечь горы — захватывает многих строителей. Но вокруг этого плана развертывается острая борьба. Только сплоченный коллектив людей с едиными стремлениями смог выйти победителем из жестокой схватки с, казалось бы, неодолимой природой.

В романе показано, как растет социалистическое сознание народных масс. Новая жизнь открыла перед ними невиданные ранее горизонты.

Не все в книге написано одинаково ровно. Читая роман, особенно первую часть, ощущаешь некоторую композиционную нестройность, растянутость, подчас многословность.

Роман М. Колесникова «Удар, рассекающий горы» воспевает красоту и величие братских взаимоотношений народов социалистического лагеря, помогает укреплению тесных дружеских связей между нашими народами.

Юрий ПУХОВ

М. Колесников. Удар, рассекающий горы. Роман. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 232 стр.

Из архива Н. Телешова

Много интересных документов хранится в семье известного советского писателя Николая Дмитриевича Телешова (1867—1957).

Большую часть своих бумаг Телешов в свое время передал Государственному архиву литературы и искусства, Литературному музею и Государственной всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина.

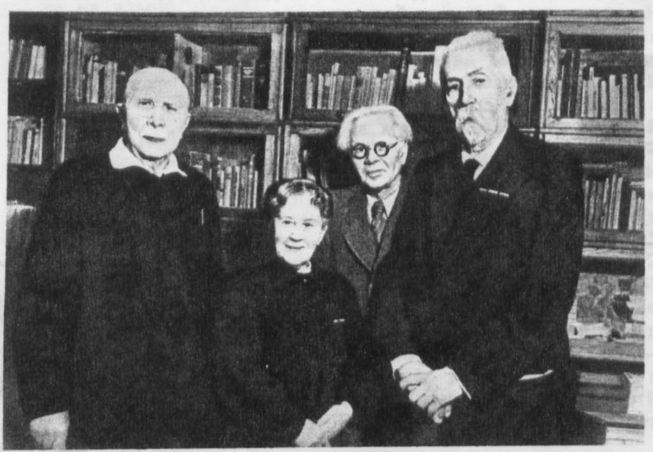
— Отец вел большую переписку,— рассказывает сын Николая Дмитриевича Андрей Николаевич Телешов.— Ему писали со всех концов нашей страны. И не только литераторы. Писали педагоги, офицеры и солдаты Советской Армии, студенты, рабочие, ученые, пионеры... Он обязательно сам отвечал на каждое письмо. Вот, например, письма учителя русской литературы сельской школы Владимирской области В. Д. Демьянцева. В одном письме Демьянцев просит сообщить об известном издателе И. Сытине. Н. Телешов отвечал учителю:

«...Сытин был без всякого школьного образования, но человек был умный и очень чуткий к литературе. В первый год Советской власти я застал его и А. М. Горького у жены Горького; он всегда останавливался у нее на квартире, когда приезжал в Москву. И вот однажды я застал Сытина и Горького у нее за завтраком. Это было важное явление. Горький сказал Сытину: — Мне поручил Владимир Ильич уговорить Вас: на днях открывается Государственное издательство, и Владимир Ильич непременно хочет, чтобы Вы были директором и стали во главе дела. Сытин отвечал: — Вы знаете, что я человек малограмотный и в такое время, как наше, быть во главе такого дела мне не подобает. Беритесь Вы, а я буду Вам помощник. Будьте покойны, не подведу Вас ни в чем. Горький ответил, что у него и без того дел по горло. Так и не столковались. На это место назначили Воровского...»

А вот письмо, полученное Телешовым осенью 1956 года от Марии Павловны Чеховой из Ялты:

«Дорогой Николай Дмитриевич! Сердечное спасибо Вам за память обо мне. Я получила посланные Вами для меня три тома Ваших книг последнего издания. Я буду их постепенно читать и невольно вспоминать о том далеком времени, когда еще жив был Антон Павлович, когда я бывала на Ваших «средах» и когда мы с Вами еще не думали, что наступит время, когда мне будет идти 94-й год, а Вам — 90-й...»

Константин Федин, получив в подарок трехтомник избранных сочинений Н. Телешова, написал ему в ответ: «Это было из тех неожиданностей, которые на минуту как бы приостанавливают бег времени, а затем вселяют в жизнь бодрость и удовольствие. Все чувства заговорили по-новому, когда я опять начал перечитывать знакомые страницы Ваших книг,— словно и воздух стал прозрачнее и взгляд на все яснее. ...Редко за книгой так отчетливо видишь лицо ее автора, как видишь Вас за душевно-мягкой и такой скульптурной Вашей прозой».

А. С. Серафимович, Т. Л. Щепкина-Куперник, Ф. В. Гладков и Н. Д. Телешов. 1948 год.

Фото Ал. Лесса.

В альбомах хранятся редкие фотографии Льва Толстого, И. Тургенева, А. Островского, Ф. Достоевского, А. Чехова, В. Короленко, А. Горького, В. Гиляровского и многих других русских и иностранных писателей, композиторов, художников и артистов.

В течение последних 45 лет Н. Д. Телешов жил в старинном доме на Покровском бульваре в Москве. Его комната сохраняется в том виде, в каком она была при жизни писателя.

М. АМШИНСКИЙ

ВЕСЕЛЫЙ ДАР

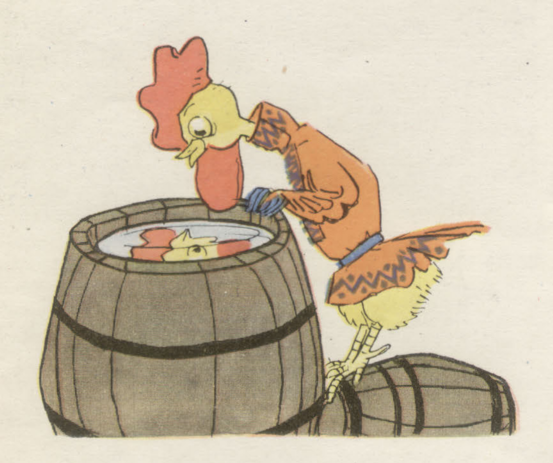
Еще в двадцатые годы в журналах начали печататься карикатуры А. М. Каневского, на улицах появились его плакаты, в которых рядом с сатирическими образами действовали герои-пролетарии; выходили в свет его иллюстрации к публицистике Салтыкова-Щедрина, к ярким, задорным детским книжкам. Смельчака Буратино сменили серебристые, светящиеся изнутри акварели к «Вечерам» Гоголя, передающие плавное течение его поэзии; потом опять едкие и страстные иллюстрации к «Миргороду», клеймящие постыдную подлость миргородских «существователей». И сейчас, когда Каневскому исполнилось шестьдесят лет, его рисунки встретишь всюду, где необходимо участие художника-публициста, остроумца и весельчака.

Самое главное для Каневского не занятные и смешные подробности, а человеческие отношения, в которых раскрываются характеры людей, становятся ясными до того скрытые их свойства. Недавно издан «Вот какой рассеянный» С. Маршака с новыми рисунками Каневского. Художник рассказывает, что он мучительно долго бился над образом главного героя. В памяти вереницей проходили типы знакомых профессоров, астрономов, серьезных студентов и даже почему-то Чарли Чаплина. Но вдруг оказалось, что вовсе и неважно, какого вида Рассеянный, как он носит шляпу или кашне, но очень важно то, как реагируют на его смешные и нелепые поступки окружающие. В отношении людей к выходкам Рассеянного, в доброжелательном стремлении помочь ему и вывести его из смешного и неудобного положения, в которое он непрерывно попадает из-за своей рассеянности, и раскрываются характеры людей и самого героя знаменитой книжки.

Каневский рисует только то, что хорошо знает. Постоянное ощущение непосредственного контакта с массовой аудиторией делает его острые, своеобразные рисунки такими близкими и понятными.

Ю. ХАЛАМИНСКИЙ

Рисунки А. М. Каневского

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПЕТУШОК

Н. В. ГОГОЛЬ «ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА».
Государственная Третьяковская галерея.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН «КАРАСЬ-ИДЕАЛИСТ».
Государственный литературный музей.

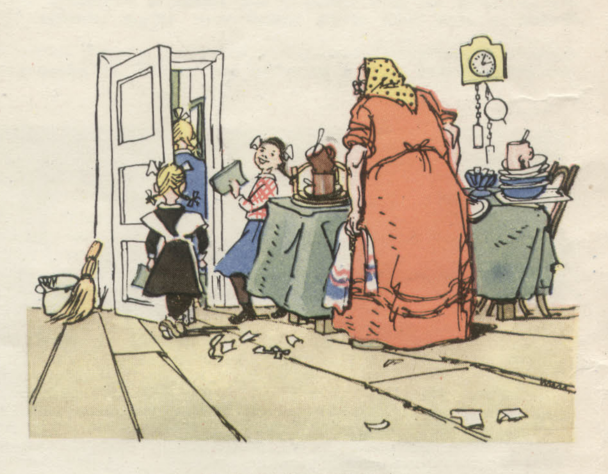
С. Я. МАРШАК «ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ».

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.

А. Л. БАРТО «ПОРУЧАЕТСЯ АНДРЕЮ».

Андрюша летом был в Крыму.
Он рассказал на сборе,
Как было весело ему
Купаться в Черном море.

А. Л. БАРТО «ШЕФЫ».

Достаточно к старушке
Проявлено вниманья!
Ушли домой подружки,
Сказавши: — До свиданья!

Московский художественный фонд.

— А почему завхоз сюда не заходит?
— Мышей боится...

Итак, бразильцы

М. МЕРЖАНОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Команда Бразилии — чемпион мира по футболу 1958 года. Слева направо, первый ряд: Гарринша, Диди, Пеле, Вава, Загало и врач команды; второй ряд: Джалма Сантос, Зито, Беллини, Нильтон Сантос, Орландо, Жильмар.

Последний мяч в ворота шведов влетел в последнюю секунду матча. Свисток, определивший взятие ворот, одновременно был и свистком к окончанию финальной встречи, к окончанию мирового чемпионата.

Это был пятый мяч, забитый бразильцами. Они победили со счетом 5 : 2, так же как в предыдущей полуфинальной встрече с французами. Две красноречивые победы, в которых неудержимые форварды показали высокое мастерство и эффективность атак, не оставили больше сомнений относительно наступательных тенденций бразильцев.

Новые чемпионы мира закончили турнир с выразительным соотношением мячей — 16 : 4. Они не только умели забивали голы, но не менее искусно оборонялись.

Мне удалось много раз видеть встречи замечательных южноамериканских спортсменов с различными по стилю противниками и в различных игровых ситуациях. Игры не были похожи одна на другую. В течение одного матча позиционная расстановка игроков менялась столько раз, сколько в этом было надобности. Зрители видели и 8 одновременно атакующих бразильцев и столько же одновременно обороняющихся. Причем эта перегруппировка сил происходила мгновенно, будто кто-то невидимый давал четкую и определенную команду. В этом выражалось футбольное творчество, основанное на разнообразном тактическом мышлении. Бразильцы сломали мертвые схемы и показали нам живой, красивый, разнохарактерный футбол, полный тонких технических приемов, многие из которых были для нас новинкой.

Бразильцы демонстрировали такое виртуозное владение мячом, изящество приемов, такую эластичную игру в воздухе, такую скупость жестов и чувство меры, что даже самая требовательная публика не могла удержаться от внезапных и дружных рукоплесканий. Но великолепное искусство бразильцев все время сочеталось с сокрушительной ударной силой, с атаками, обрушивающимися на ворота.

Бразильцы показали хорошую футбольную вспыльчивость, жадность к мячу, мужественную мобильность. Мяч как бы прилипал к их «намагниченным» бутсам. В то же время они ведут игру весело и непринужденно, именно игру, а не тяжелую работу.

Наибольшее впечатление производит игра бразильских нападающих — и Диди, и Пеле, и Вава, и Гарринша. Они добились полного послушания мяча, великолепно организуют атаку, умеют выбирать позицию и абсолютно понимают действия своих партнеров. Когда Гарринша брал мяч и собирался обыграть двух постоянно опекавших его шведов, то Вава, не глядя на его действия, стремглав бежал к воротам. Как правило, к этому моменту с правого края поспевала прострельная подача большой силы, и Вава легким движением ноги направлял мяч в сетку. Именно так были забиты первый и второй мячи в ворота шведских футболистов.

Сама по себе эта форма не нова, но, проведенная на большой скорости и точно исполненная, она ошеломляюще действовала на соперников.

В защите хорошо себя зарекомендовали Нильтон Сантос и Джалма Сантос, а также капитан команды Нидеральдо Беллини. Они всегда были хозяевами своих нервов, спокойно отражали все атаки и очень умно сочетали оборонительные действия с внезапными вспышками форвардов. Столь нашумевшая бразильская стена защитников оказалась очень организованной и подвижной линией обороны, не уступающей соперникам ни в скорости бега, ни в быстроте движения. Перед самыми воротами бразильские футболисты хладнокровно посылали друг другу мяч и точными передачами завязывали наступательные действия команды.

И еще хочется отметить хорошее спортивное поведение бразильцев на поле. Они играли смело, мужественно, напористо, но не грубо. Темпераментные южане со спокойной улыбкой относились к ошибкам судей, даже тогда, когда судьи по непонятным мотивам не засчитывали забитых мячей (как это было в матче с французами) или не назначали пенальти (как это было в последнем матче со шведами).

Второе место в чемпионате заняли шведские спортсмены. Это — большое их достижение. Правда, им сопутствовала удача. Как организаторы Всемирного чемпионата они были избавлены от необходимости играть отборочные матчи. Второй раз им судьба улыбнулась в момент жеребьевки, когда они попали, как теперь это видно, в самую легкую группу, а это предопределило их дальнейший путь к финалу.

Тем не менее игра шведских футболистов против таких соперников, как команда СССР и команда Федеративной Республики Германии, оставила хорошее впечатление и показала, что их английскому тренеру Георгу Райнеру удалось все же за сравнительно короткий срок создать боеспособный, волевой, дружный коллектив. И даже в единственном матче, который шведы проиграли, — в финальном матче — они вели хорошую спортивную борьбу до самого последнего свистка.

Французы, занявшие третье место, оказались рекордсменами по забитым голам. Они за шесть состязаний провели в ворота соперников 23 мяча, или 3,83 мяча в каждом матче. Интересно, что французские футболисты, которые больше других подвергались «оборонительной обработке» со стороны своих журналистов и специалистов, оказались самыми результативными спортсменами. А правый инсайт Фонтэн побил своеобразный рекорд: он забил 13 мячей.

На банкете, который состоялся после финального матча, ему как «лучшему стрелку» было преподнесено охотничье ружье.

Приятно отметить, что все три команды, занявшие призовые места, играли в атакующем стиле. Так же выступали и некоторые другие коллективы (СССР, Югославии, Чехословакии). Тем не менее общее число забитых мячей снизилось по сравнению с прошлым мировым чемпионатом в Швейцарии. Тогда в среднем в каждом состязании забивалось 5,3 мяча, а теперь — менее четырех. Это объясняется прежде всего тем, что нынешний состав участников несколько сильней прошлого, в котором выступали такие слабые команды, как турецкая и особенно южнокорейская, проигравшая в одном из матчей даже с двузначным числом.

Следует сказать и о нашей команде, хотя она и выбыла из соревнований еще в четвертьфинале. Мы уже отмечали, что в общем команда провела свои состязания (особенно первые, когда она еще не была утомлена) на хорошем уровне. Можно смело сказать, что исключительно неблагоприятные условия, в которые она попала (самая сильная группа, а также пять матчей, проведенных за 12 дней), не дали ей возможности играть в полуфинале. В то же время чемпионат показал, что уровень технического мастерства наших футболистов (особенно молодых) заметно отстает от уровня, на котором играют все европейские и южноамериканские команды. Видимо, повышение технического мастерства вновь становится важнейшей задачей.

Таковы самые первые, беглые впечатления от только что закончившегося чемпионата.

«Золотая богиня» — приз, врученный победителям чемпионата, — на самолете улетела в Бразилию. Там она будет находиться до 1962 года, когда в Чили состоится новый очередной чемпионат мира.

Стокгольм.

По дорогам пяти республик

Неделю назад на московском велотреке стадиона «Юных пионеров» закончилась продолжавшаяся четырнадцать дней Всесоюзная многодневная велосипедная гонка.

Две недели на дорогах пяти республик — Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и РСФСР — продолжалась упорнейшая борьба 16 команд союзных республик, Москвы и Ленинграда за призы ЦК ВЛКСМ и Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров СССР, за золотую медаль чемпиона СССР.

О том, какой напряженной была борьба и как высоко поднялось мастерство гонщиков, в большинстве своем молодежи, говорит то, что четырежды за 12 ходовых дней (2 дня выходных) менялись команды, занимающие первое место по сумме этапов, и трижды — лидеры велогонки в личном зачете. А скорость, даже в дни, когда велосипедисты шли против ветра, нередко достигала 40—43 километров в час.

В конечном счете командные призы за лучший результат в соревновании выиграл дружный коллектив Российской Федерации (тренер — заслуженный мастер спорта В. Батаен). Золотую медаль чемпиона завоевал темпераментный харьковский спортсмен, участник сборной команды СССР Николай Эчкенко. 2 022 километра он прошел за 52 часа 33 минуты 47 секунд.

Много раз за дни гонки менялись местами команды Украины, Ленинграда и Москвы. Финиш в столице застал их соответственно на втором, третьем и четвертом местах.

В гонке наряду с другими призами разыгрывался приз журнала «Огонек» — для спортсмена, ставшего победителем наибольшего количества этапов. Этот приз завоевал отличающийся большой волей к победе заслуженный мастер спорта ленинградец Павел Востряков. Он был победителем трех этапов: первого, четвертого и девятого.

В. ОРЛОВ

Павлу Вострякову вручен приз «Огонька».

Фото И. Ганюшкина.

Воронежцы в столице

П. АНДРЕЕВ

Фото С. Фридлянда.

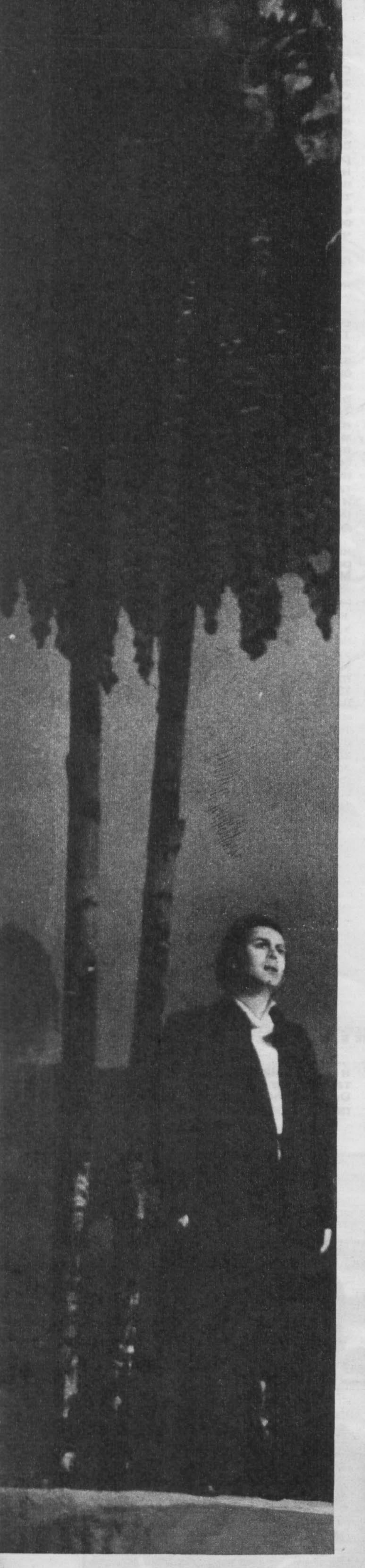
На народных гуляньях — «улицах», на деревенских посиделках песни крестьян удивляли своей простотой, искренностью и вместе с тем необыкновенным величием. Это было подлинное искусство. Каждый из участников хора знал, кто запевает, кто поет вторым голосом, кто ведет подголоски, кто расцвечивает мелодию гармонически... Уроженец Воронежской губернии поселка Александровского, Бобровского уезда, М. Е. Пятницкий восторженно писал о том, как «дивны и чудны русские песни. Душевные мелодии, глубокие мысли в тексте. Право, не знаешь подчас, кому отдать предпочтение: гению композитора или поэта?.. Рядили они веками родную песню, как невесту к венцу, чтобы она, желанная, увидела свет божий... И она увидит, скоро увидит... И будем мы, объединенные, петь ее на славу нашей любимой родины. Дорогу! Русь идет!»

Концерты первого крестьянского хора, созданного М. Е. Пятницким в 1910 году, имели в Москве большой успех.

Народные таланты обнаружил и К. С. Станиславский, приезжавший к сестре Зинаиде Сергеевне в село Никольское, близ Воронежа. Любители драматического искусства — местные крестьяне ставили с помощью Станиславского пьесы А. Н. Островского, Л. Н. Толстого.

Настоящий же размах народное творчество приобрело после Великого Октября. Ныне в Воронежской области нет села, где не было бы клуба, библиотеки, избы-читальни. Многие колхозы построили собственные дворцы культуры. Здесь занимаются 2 200 хоровых, танцевальных и драматических кружков. Прекрасные хоровые коллективы развернули свою деятельность на родине М. Е. Пятницкого, а также в Воронцовском, Лосевском и многих других районах.

Пятьсот тысяч человек состяза-

Сцена из спектакля драматического театра «Алексей Кольцов». В заглавной роли С. Ожигин.

Солистки Воронежского хора заслуженные артистки РСФСР Мария Мордасова (справа) и Евдокия Осипова.

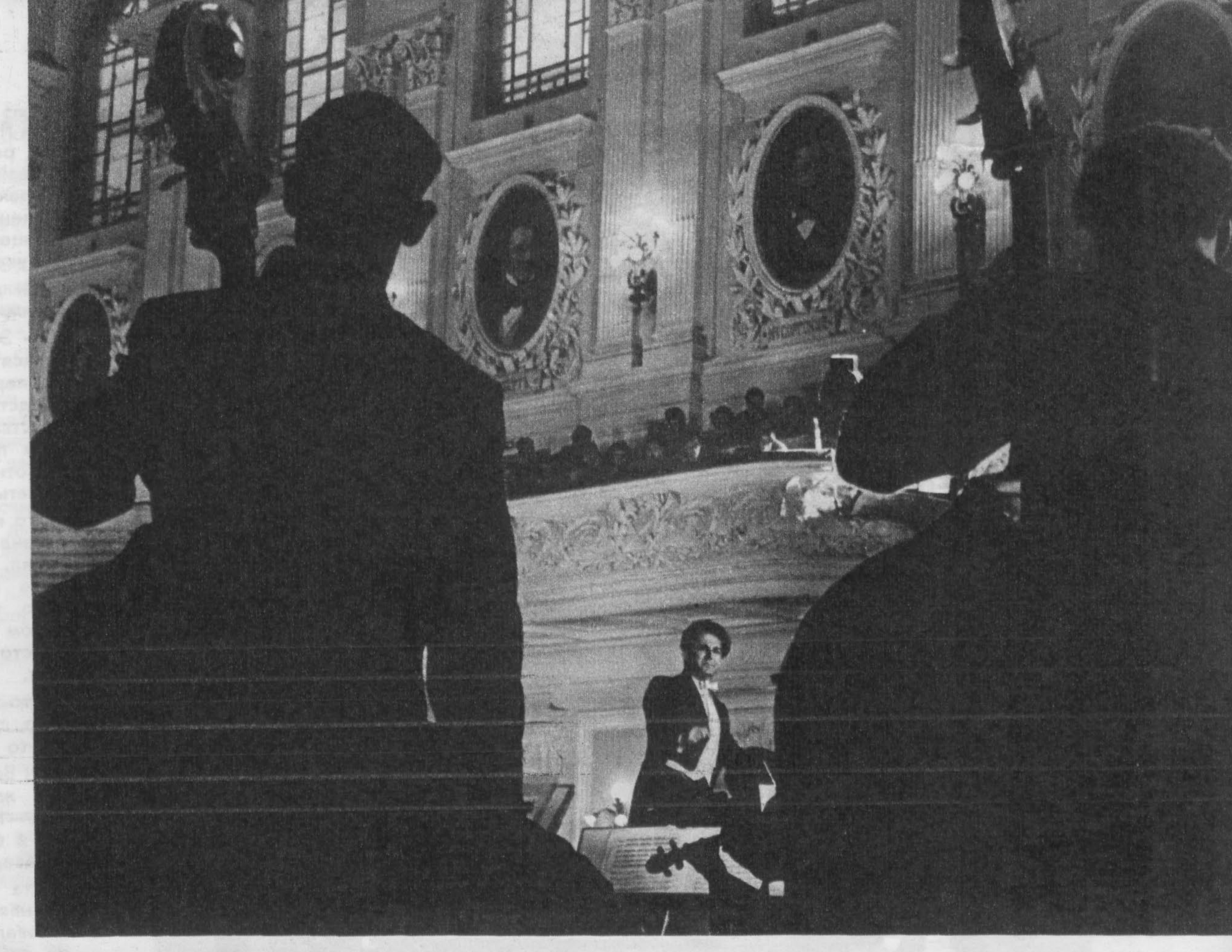
В Москве показ коллективов профессионального и самодеятельного искусства Воронежской области начал русский народный хор. Фото М. Озерского.

лись в конкурсе на право участия в нынешних московских гастролях.

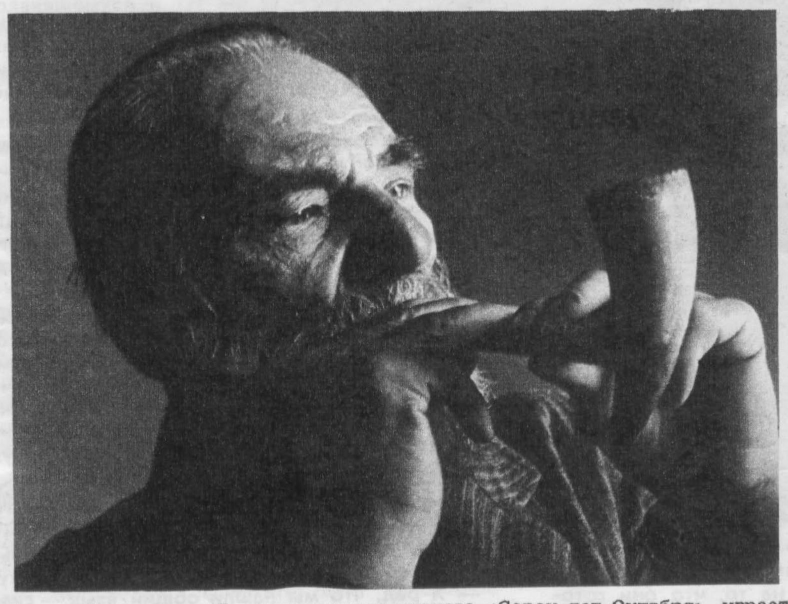
Давнюю певческую культуру, песни, кристаллизовавшиеся народом в течение столетий, использует Государственный воронежский русский народный хор. Руководит этим хором заслуженный деятель искусств РСФСР К. И. Масалитинов. Артисты хора, выезжая в села, записывают мелодии, тексты. На народной основе рождаются новые песни, рассказывающие о счастливой жизни советских людей, прославляющие Родину, Коммунистическую партию.

Хор постоянно пополняется народными талантами — молодыми певцами, танцорами, музыкантами из самодеятельности. Под руководством главного хормейстера В. Ефимова, дирижера оркестра заслуженного артиста РСФСР П. Шматько, руководителя плясовой группы А. Шостак они совершенствуют свое мастерство.

Из гущи народной вышли ведущие солисты хора. Тринадцать лет назад из колхозного села Новая Усмань пришла в хор талантливая певица, ныне заслуженная артистка республики, лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов Юлия Золотарева.

Воронежский симфонический оркестр выступает в Большом зале Московской государственной консерватории.

Семен Максимович Бураков, пастух колхоза «Сорок лет Октября», играет на жалейке «для души». Несмотря на свои 86 лет, он первый гость у любителей послушать старинные песни.

Заслуженная артистка республики Мария Мордасова — популярная исполнительница и автор частушек, в прошлом колхозная доярка. Одаренная певица, заслуженная артистка республики Евдокия Осипова — бывшая звеньевая из села Гвазда, Воронцовского района.

Воронежский государственный драматический театр — один из старейших в России. В прошлом столетии здесь служили выдающиеся мастера театрального искусства П. М. Садовский, В. Н. Давыдов, Н. Х. Рыбаков; сюда охотно приезжали П. С. Мочалов, М. С. Щепкин, позднее — М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, А. И. Южин.

Уделяя большое внимание классическому наследию, театр много работает и над созданием современного репертуара.

О трагической судьбе народного поэта-песенника рассказывает драма-песня «Алексей Кольцов» воронежского писателя В. Кораблинова. Над этим произведением, показанным москвичам на гастролях, совместно трудились драматург и главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств РСФСР Ф. Шишигин. Создание спектакля с участием хора — плод творческих исканий талантливого коллектива, стремившегося показать в этом спектакле душу русского народа. Живой, волнующий образ Кольцова создал артист С. Ожигин; он подчеркивает близость поэта к простому народу.

Драматический театр смело выдвигает молодежь. Мастера сцены народные артисты А. В. Поляков и С. И. Папов любовно передают свой опыт артистической молодежи.

Много молодежи и на сцене Воронежского театра музыкальной комедии. В спектаклях, отображающих современную советскую действительность, «Вас ждут друзья», «Марги», «Фонари-фонарики», ведущие роли играют молодые актеры.

Настойчивым пропагандистом музыки среди населения слывет Воронежский симфонический оркестр. Исполнение им произведений Рахманинова, Глазунова, Листа, Вагнера, а также советских композиторов Шостаковича, Хачатуряна и других отмечено высокой музыкальной культурой. Талантливым дирижером показал себя Гурген Карапетян.

Тысячи москвичей, заполнявшие концертные и театральные залы на выступлениях воронежцев, горячо приветствовали гостей.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» главные роли играют молодые актеры. Чацкий — воспитанник Московского театрального училища имени М. С. Щепкина—К. Дубинин, Софья—Г. Добровольская, Лиза—Г. Высоцкая.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

9. ПОД БЕЖЕВЫМ АБАЖУРОМ

Нелепо было убегать от эсэсовцев: Ригу я знал недостаточно хорошо да и вообще почти никого не знал в городе, а тех немногих, кому я был известен, только поставил бы под удар своим появлением; в постоянной охоте на людей, проводимой нацистами в оккупированных местностях, редко кто мог уйти от этих охотников за черепами; и, наконец, у меня не было твердой уверенности в том, что эсэсовцы пришли за моей головой...

Меня заинтересовало, как Марта могла выйти из дома, если там сидели эсэсовцы, и я спросил ее об этом.

— Они сидят в гостиной и курят сигареты,— объяснила Марта.— В кухню они не заглядывали. Поэтому я решила выйти во двор и дождаться вас...

Марта знала, что я не господин Берзинь, и все-таки почему-то жалела меня...

Однако об этом некогда было раздумывать.

— Возвращайтесь к себе и не волнуйтесь,— сказал я Марте.— Не так страшен черт, как его малюют.

Я вошел в парадный подъезд, поднялся по лестнице, отпер дверь своим ключом и прямо прошел в гостиную.

— Хелло! — сказал я.— Здравствуйте, ребята!

Два молодых парня с отупевшими от своей работы лицами сидели в креслах и попыхивали сигаретами.

При виде меня они вскочили.

— Хайль! Хайлитль!

«Хайлитль» значило то же, что «хайль Гитлер», это была жаргонная скороговорка.

Нет, не похоже было на то, что они готовились забирать меня в тюрьму.

— Очень хорошо, — сказал я. — Вы зашли отдохнуть или у вас есть ко мне дела?

Один из них осклабился, другой остался серьезен.

— Господин Август Берзинь? — осведомился тот, который оставался серьезным.— Нам приказано доставить вас в гестапо!

— Может быть, доедем на моей машине? — предложил я.

— Отлично,— согласился тот, который оставался серьезным, и царственным жестом пригласил меня идти вперед: — Прошу!

Нет, т а к эсэсовцы не арестовывали...

Когда мы подъехали к гестапо, спесь сразу сползла с моих провожатых; тот, что остался серьезным, выскочил, козырнул и остался у машины, а тот, который улыбался, повел меня к Эдингеру.

Я опять очутился в знакомом уже мне кабинете перед руководителем рижского гестапо.

— Садитесь,— предложил он и для внушительности на минуту задумался.— Садитесь, капитан Блейк. У меня к вам два дела...

Увы, Эдингер придерживался не столь уж выгодной политики кнута и пряника; если при первом свидании он манил меня пряником, на этот раз он пытался меня припугнуть.

— Я хочу вас информировать. Получен приказ рейхслейтера Гиммлера,— торжественно произнес он.— Всех иностранных офицеров я обязан интернировать в лагеря особого назначения. Однако это относится только к офицерам, захваченным в форме, с оружием в руках...

Он многозначительно посмотрел на меня своими бесцветными глазами.

— Это не относится к шпионам, скрывающимся среди мирного населения,— принялся он перечислять.— Не относится к личностям, представляющим особую опасность для государства. Не относится к лицам, злоумышляющим против фюрера и германского народа. Не относится к задержанным, пытающимся бежать...

Его крашеные усики зашевелились, как у таракана. Он ничего не добавил, но я отлично понял, что он хотел сказать. Я легко мог стать и скрывающимся шпионом, и личностью, представляющей особую опасность, и лицом злоумышляющим, и, наконец, меня просто могли пристрелить при попытке к бегству.

Это-то я понял, но еще не вполне понимал, чего домогался Эдингер, а ему, разумеется, что-то было от меня нужно.

— Вам не надо забывать, кому вы обязаны жизнью,— торжественно заявил Эдингер.— Когда рука советского агента настигла вас в собственной вашей квартире, мы сделали все, чтобы вырвать вас из объятий смерти.

Эта версия происшедших событий, придуманная, вероятно, Янковской, мало соответствовала действительности, но мне следовало ее принять.

Со всей прямолинейностью и самоуверенностью, которые особенно сильно проявлялись у немецких чиновников в ту пору, он не замедлил поставить передо мной категорический вопрос:

— Вы умеете быть благодарным? Наш вы или не наш?

Теперь, после полученных мною указаний, я мог пренебречь тем, что может подумать обергруппенфюрер Эдингер об английских офицерах, которых, по его мнению, я представлял сейчас перед ним.

— Вы ставите меня в безвыходное положение,— ответил я с достаточной долей высокомерности, которая, впрочем, не могла не импонировать такому субъекту, как Эдингер.— Интересы Великобритании вынуждают меня разоружиться и вручить вам свою шпагу.

— Хайль Гитлер! — в ответ на это крикнул Эдингер.

Я не знал, ждет ли он от меня подобного вопля, но промолчал, считая, что английскому офицеру даже в таких обстоятельствах нельзя уподобляться гитлеровскому штурмовику.

— Я рад, что мы нашли общий язык,— сказал Эдингер.— Потому что ваш выживший из ума Черчилль ничего не понимает в политике...

Он вылил на голову Черчилля такой поток ругательств, который, по-моему, не мог бы понравиться даже противнику Черчилля, будь тот английским офицером; однако я дисциплинированно молчал, и это понравилось Эдингеру.

— Вы не пожалеете о сегодняшнем дне! — патетически воскликнул Эдингер. — Германия позаботится о будущей Великобритании.

Может показаться, что, изображая Эдингера, я рисую его слишком ходульным, слишком напыщенным, не таким, каким бывают люди в обыденной жизни, но я хочу здесь подчеркнуть, что Эдингер был именно таким.

Затем он сразу перевел разговор на рельсы сугубого практицизма.

— Я хочу вас обрадовать, капитан Блейк,— произнес он со снисходительной улыбкой.— Как только вы передадите нам свои дела в Риге, мы перебросим вас в Лондон. У нас есть соответствующие возможности. Вы сделаете вид, что вам грозил арест и вы бежали. Вы начнете работать на нас в Англии.

— Но я не собираюсь в Лондон,— сказал я.— Мне полезнее находиться здесь.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—27.

— Не хотите рисковать? — иронически спросил Эдингер.— Спокойнее оставаться с победителями?

— Думаю, что здесь я буду полезнее,— уклончиво ответил я.— На мое место пришлют кого-нибудь другого, и еще неизвестно, захочет ли он сотрудничать с вами.

— Хорошо,— великодушно сказал Эдингер.— Мы вернемся к этой проблеме, когда получим доказательства вашей лояльности.

— Каких доказательств вы хотите? — настороженно спросил я.— Я уже обещал свое сотрудничество...

— Вот мы и хотим доказательств этого сотрудничества! — воскликнул Эдингер.— Связи и агентура, агентура и связи — вот что нужно от вас! Только это можем мы принять от вас в уплату за вашу жизнь и наше доверие.

И здесь я совершил ошибку, посчитав Эдингера глупее, чем был он на самом деле: я пообещал познакомить гестапо со всеми своими агентами, имея в виду своих девиц, тем более, что немцы имели о них, как я безошибочно предполагал, очень хорошее представление.

— Когда? — строго спросил Эдингер.— Когда мы получим вашу сеть?

Я мог составить список своих девиц за полчаса, но решил придать этой работе солидный характер.

— Я дам список своих агентов... через три... нет, скажем, через четыре дня.

— Хорошо, я буду ждать,— серьезно сказал Эдингер.— С этого дня двери моего дома открыты для вас. Сегодня двенадцатое... Тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого... шестнадцатого я жду вас у себя.

Эдингер нажал кнопку звонка.

— Мюллера с документами,— приказал он появившемуся и тут же исчезнувшему адъютанту.

Затем Эдингер загадочно посмотрел на меня.

— Я хочу показать вам, что значит работать в германской разведке,— внушительно сказал он.— Нет людей великодушнее немцев!

Мюллер не замедлил появиться.

Это был весьма солидный господин с белесыми волосами, напомаженными бриллиантином, в роговых золотистых очках и в черном мундире, плотно облегавшем его упитанную фигуру и еле сходившемся на выпиравшем животе.

— Господин Мюллер, наш главный кассир,— представил его Эдингер.

Господина Мюллера сопровождал еще какой-то чиновник, но его господин Эдингер не нашел нужным представлять.

— Вы принесли? — осведомился Эдингер, ласково взглянув на Мюллера.

— О да, господин обергруппенфюрер,— почтительно ответил Мюллер.— Все, как было указано.

— Мы хотим выплатить вам некоторую сумму,— сказал Эдингер, посматривая то на меня, то на Мюллера.— Мы умеем ценить людей, господин Блейк!

Я сделал какое-то движение, которое Эдингер истолковал в двойном смысле.

— Не смущайтесь, господин Блейк, мы верим, что вы оправдаете вложенные в вас средства,— убежденно произнес он.— И не смущайтесь, что я так открыто называю вас перед господином Мюллером. Тот, кто платит деньги, должен знать, кому он их платит.

Господин Мюллер раскрыл принесенную с собой папку и подал мне деньги — тут были и рейхсмарки и фунты стерлингов.

— Мы даем вам и марки и фунты,— пояснил Эдингер.— Марки на текущие расходы, фунты в копилку.

Мюллер подобострастно рассмеялся.

По-видимому, отказываться от этих денег не следовало.

Я взял бумажки и со светской небрежностью, свойственной, как мне думалось, английскому аристократу, не считая, сунул их в карман.

— Нет, нет, так не годится,— строго поправил меня Эдингер.— Прошу вас пересчитать деньги, обязательно пересчитать и, увы, написать расписку: денежные расчеты требуют самого неуклонного педантизма.

Чиновник, пришедший с Мюллером, засуетился, пододвинул ко мне лампу, указал на стол.

Мне пришлось подчиниться, я достал деньги, пересчитал, написал расписку, передал Мюллеру.

— Все готово? — спросил Эдингер, но почему-то не Мюллера, а его спутника.

— О да! — сказал тот, и Эдингер кивком головы отпустил обоих своих чиновников.

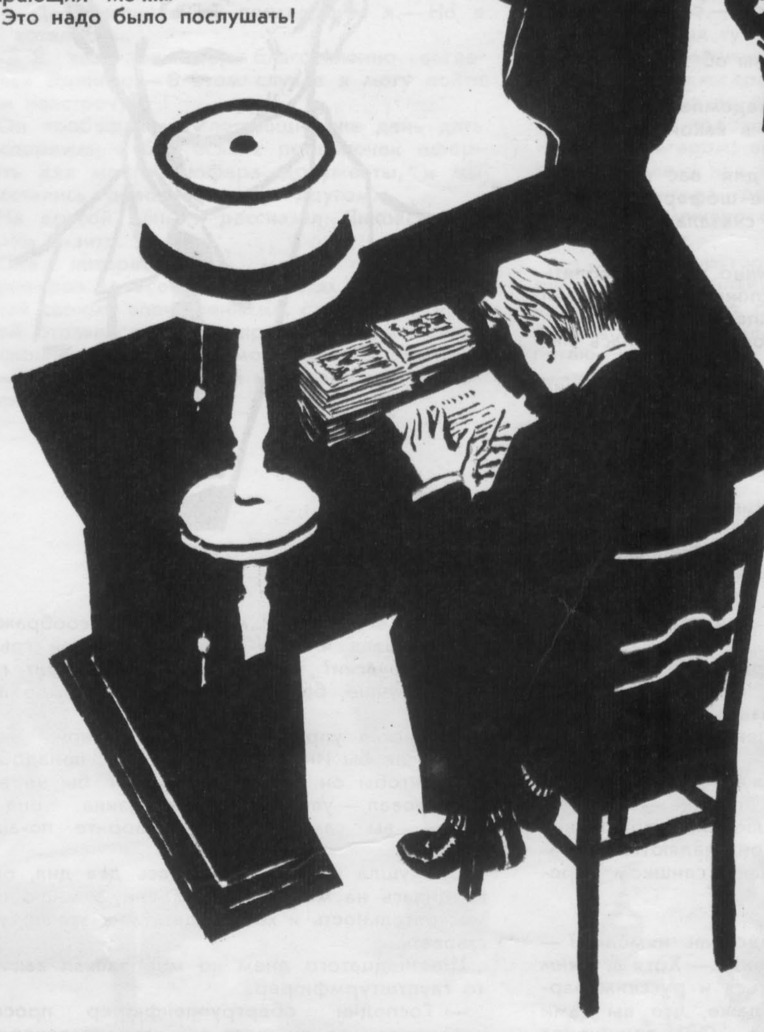
Затем он встал...

Я полагал, что со мной все закончено, но оказалось, что Эдингер не мог отказать себе в удовольствии еще раз выступить передо мной в своем репертуаре.

На прощание он произнес целую речь:

«Раса господ, германский дух, карающий меч...»

Это надо было послушать!

«Новая империя должна следовать путями, проторенными рыцарями Тевтонского ордена. Германский плуг вонзится в русскую землю при помощи германского меча. Даже самый плохой германский рабочий в биологическом отношении и с расовой точки зрения в тысячу раз лучше русских, поляков, латышей и прочего сброда. Все они будут использованы для победы германского оружия. Местное население должно работать, работать и работать. Не обязательно его кормить. Оно вообще годно только на удобрение. В борьбе с большевизмом неуместны рыцарство и военная честь. Более сильная раса вытеснит более слабые и сломает нелепые барьеры гуманности. Карающим мечом уничтожим мы силы, пытающиеся воспрепятствовать нашему движению, будь то сегодня, через десять лет или через столетие...»

Это был набор фраз из Гитлера, Гиммлера и Розенберга.

Эдингер декламировал передо мной так, точно находился на многолюдном митинге...

На следующий день появился, как и было условлено, Железнов.

На этот раз он пришел с черного хода.

— Вас спрашивает человек, с которым вы на днях куда-то ездили,— сообщила Марта.

Железнов явился с документами на имя Виктора Петровича Чарушина. Это были отличные документы, возможно, даже подлинные, хотя все опознавательные данные Чарушина соответствовали внешним приметам Железнова.

Я позвал Марту и сообщил, что нанял шофера; меня интересовало, как она к этому отнесется.

— Ночевать он будет у нас,— распорядился я.— Стелить постель будете ему в коридоре.

Коридор мы с Железновым избрали для ночевки потому, что тогда в его распоряжении находились бы оба выхода из квартиры.

Марта не отличалась общительностью, но к появлению нового жильца отнеслась довольно благосклонно.

— Слушаю, господин Берзинь,— сказала она.— Для господина Чарушина мы вынесем из гостиной маленький диванчик, если вы разрешите.

— Он вас не стеснит? — полюбопытствовал я.

— Напротив, господин Берзинь,— сказала она. — Мне приятно ухаживать за таким симпатичным человеком...

Она ушла, а я вопросительно посмотрел на Железнова.

— Как это вам удалось завоевать ее сердце?

— Она кое о чем догадывается,— признался Железнов.— Марта самая обыкновенная женщина, но она сильно пострадала от фашистов. Многие ее родственники отправлены в Германию, а один из братьев повешен. Марту хорошо знают товарищи ее брата, и это они посоветовали справиться у нее о вашем поведении. Она отзывается о вас неплохо, говорит, что вы порядочный человек. Ей понравилось, что вы не стали амурничать ни с Янковской, ни с кем-либо из прочих ваших посетительниц. А когда мы условились о поездке за город, она должна была предупредить меня на случай возможной засады.

Железнов открывал мне глаза на Марту с такой стороны, с какой я ее еще не видел.

А я-то подозревал, что она приставлена ко мне немцами!

Еще больше меня интересовало, как отнесется к появлению Железнова Янковская.

Она приехала под вечер, прошла в столовую, села у стола, закурила.

— Вас можно поздравить,— сказала она.— Эдингер доволен вами.

— А вы уже осведомлены об этом? — спросил я.

— Я обо всем осведомлена,— сказала она.— Особенно, если это в какой-то степени касается меня.

— У меня тоже есть для вас новость,— сообщил я.— Я нанял себе шофера.

— Для чего? — резко сказала она.— Это лишнее!

— Не могу же я постоянно злоупотреблять вашей любезностью,— спокойно возразил я. — Кроме того, он уже здесь.

— А кто он такой? — поинтересовалась Янковская.

— Русский эмигрант из Таллина,— объяснил я.— Виктор Петрович Чарушин.

— Ах, Август, Август! — укоризненно заметила Янковская.— Вас еще легко обвести вокруг пальца.

Я, разумеется, не согласился.

— Вы преувеличиваете мою наивность.

— Документы его вы по крайней мере видели? — осведомилась Янковская.— Вы можете их мне показать?

— Разумеется,— сказал я и принес документы из кабинета.

Она внимательно их пересмотрела.

— К сожалению, ни к чему нельзя придраться,— недовольно сказала она.

— Почему «к сожалению»? — удивленно спросил я.

— Потому что всегда лучше, чтобы документы были чуточку не в порядке,— заметила она, поджимая губы.— У людей, которые выдают себя не за тех, кем они являются в действительности, всегда бывают слишком хорошие документы.

Мы помолчали.

— Может быть, он подослан немцами? — высказала она предположение.— Хотя с таким же успехом может оказаться и русским партизаном. Не исключено даже, что вы сами предложили ему убежище.— Она прищурила свои хитрые глаза.— Смотрите, Август, не вздумайте вести двойную игру,— предупредила она меня.— Во второй раз я уже не промахнусь.

— У вас слишком развита профессиональная недоверчивость, — развязно сказал я. — Я во всем следую вашим советам, а что касается шофера, по-моему, этот шофер всего-навсего только шофер.

— Он здесь? — спросила Янковская.

Я нажал звонок, вызвал Марту.

— Если Виктор здесь, попросите его зайти,— сказал я.

Железнов немедленно появился в столовой, очень вежливый, спокойный, независимый.

Янковская долго, чересчур долго рассматривала Железнова, но он не проявил никакого нетерпения.

— Как ваша настоящая фамилия? — внезапно спросила она.

— Чарушин, — невозмутимо ответил Железнов.

— Откуда вы сюда попали?

— Из Таллина,— все так же безмятежно ответил он.

Он говорил по-русски, но в его голосе звучало что-то чужеземное: у него были актерские способности.

— Мне не нравятся ваши документы,— сказала она.

Железнов только пожал плечами.

Она отпустила его.

— Мне он и сам не нравится,— сказала она, когда Железнов вышел.— Фальшивые люди умеют казаться симпатичными.

— На его счет у меня другие соображения,— сказал я.— Вы заметили, как он говорит по-русски? По-английски он говорит гораздо лучше, без какого бы то ни было акцента.

Янковская упрямо покачала головой.

— Если бы Интеллидженс сервис понадобилось, чтобы он был русским, он бы не акцентировал,— уверенно возразила она.— Кстати, вы сами неплохо говорите по-английски.

Она ушла и не показывалась два дня, она сердилась на меня за проявленную мною самостоятельность и хотела дать мне это почувствовать.

Шестнадцатого днем ко мне заехал какой-то гауптштурмфюрер.

— Господин обергруппенфюрер просил напомнить, что он ждет вас сегодня вечером у себя,— с изысканной вежливостью предупредил меня посланец.

Я тут же взял свою телефонную книжку и за полчаса выписал для Эдингера имена всех сотрудниц покойного Блейка.

Вечером Железнов отвез меня к Эдингеру.

Начальник гестапо занимал просторный особняк.

В подъезде дома дежурил эсэсовец, дверь открыл мне тоже эсэсовец.

Навстречу вышел сам Эдингер и ввел меня в гостиную.

Просторная комната казалась удивительно тесной,— так она была заставлена мебелью. Тут были и столы, и столики, и этажерки, всякие горки и полочки, стулья, кресла, пуфы, везде было полно всякой посуды, хрусталя и фарфора, ваз и статуэток; все эти предметы были, несомненно, накрадены здесь же, в Риге, или, как выражались сами немцы, реквизированы.

Но если мебель, посуда и безделушки были позаимствованы Эдингером в Риге, то великое множество салфеточек, накидочек и дорожек, по всей вероятности, были привезены из Дортмунда, где жил Эдингер до начала своей политической карьеры.

Вышитые гладью красные и коричневые буквы старомодного готического шрифта сплетались в назидательные надписи и украшали диван, стены и этажерки: «У того хороший дом, Кто все добыл своим трудом», «Того, кем труд не позабыт, Господь всегда вознаградит», «Если женушка верна, То спокойно спит она»...

На диване, загораживая широкой спиной одну из таких надписей, сидела та самая дама, которую я видел вместе с Эдингером у профессора Гренера.

Эдингер подвел меня к ней.

— Позволь, Лотта, представить тебе...— он на секунду задумался: — пока что господина Августа Берзиня. Вероятно, ты его помнишь, он бывает у доктора Гренера.

Она церемонно поздоровалась и устремила свой тусклый взгляд на круглый столик перед искусственным камином, явно привезенным сюда тоже из какого-то другого помещения.

Столик был сервирован для кофе. На нем стояли крохотные кофейные чашечки, рюмки, вишневый ликер, печенье и бисквитный пирог. Перед столиком стояли обитые золотистым шелком низкие пуфы; и столик и пуфы освещал торшер с тусклым желтовато-бежевым абажуром, украшенным каким-то неясным синеватым рисунком.

— Пригласи господина Берзиня выпить чашку кофе,— отдал Эдингер команду своей супруге.

Она смущенно улыбнулась.

— Господин Берзинь...

Мы сели за стол, эсэсовец, открывший мне наружную дверь и исполнявший здесь обязанности горничной, принес дымящийся кофейник, госпожа Эдингер разлила по чашкам кофе, а сам хозяин налил мне и себе ликеру.

— Прозит!

Эдингер бросил на жену снисходительный взгляд.

— Что же ты не похвастаешься, Лотта? — сказал он.— Похвались перед господином Берзинем своей обновкой!

Лотта немедленно перевела свой взгляд на абажур.

— Так трудно угнаться за модой,— послушно сказала она.— Я с большим трудом достала этот абажур.

Я мельком посмотрел на торшер, абажур не привлек моего внимания, но госпожа Эдингер, кажется, сочла, что я разделяю ее восхищение.

— Если бы вы знали, чего он мне стоил! — продолжала она.— Такие абажуры хотят иметь все! Взамен мне пришлось отдать свой лучший чайный сервиз, вывезенный Генрихом еще из Франции...

Госпожа Эдингер вела обычный салонный разговор, которому я не придавал значения...

От второй чашки я отказался.

— Я не пью много кофе на ночь, господин обергруппенфюрер.

— В таком случае займемся делами,— сказал Эдингер и кивнул жене.— Лотта, ты можешь идти спать.

Мы раскланялись.

— Давайте, господин Блейк, вашу сеть,— нетерпеливо произнес Эдингер, когда мы остались вдвоем.— Удовлетворите мое нетерпение.

Я подал свой список.

Он цепко схватил листок, просмотрел его, и я увидел, как багровеет его лицо и шевелятся его усики.

— Что это? — спросил он меня зловещим шепотом.— Что это такое?

— Моя агентура,— небрежно, но не без гордости объяснил я.— Мною охвачены все кафе, многие магазины и парикмахерские. Здесь указано, где кто работает...

Но Эдингер не слушал меня.

— Вы смеетесь надо мной? — прохрипел он.— На что мне нужны ваши девки? — Впрочем, он выразился хуже.— Мы их давно знаем! Они обслуживают и вас, и нас, и всех, кто только этого пожелает! Вы считаете меня идиотом? Мне нужна настоящая агентура!

По-видимому, он говорил о той самой агентуре, которую имел в виду Пронин, но я-то, увы, не знал никого, кроме этих девушек!

— Господин обергруппенфюрер...— сказал я, понимая, что переборщил...

— Не валяйте со мной дурака! — закричал Эдингер.— Вы прячете свою агентуру, свою рацию, пытаетесь обвести нас вокруг пальца и воображаете, что вам это удастся! Капитан Блейк! Или вы разоружитесь, или мы сделаем абажур из вашей собственной кожи!

В этот момент я его не понял, я думал, что это просто гипербола.

Он впал в неистовство...

Нужно было, как говорится, перестроиться на ходу; следовало осторожно спустить Эдингера на тормозах.

— Господин обергруппенфюрер, не стоит меня пугать,— произнес я с чувством собственного достоинства.— Все-таки я британский офицер, а британский офицер боится лишь бога и своего короля...

Эдингер на минуту замолчал, выпучил на меня свои оловянные глаза и неожиданно разразился смехом.

— Интересно, что скажет ваш король, когда увидит вот это!

Он торопливо полез в карман своего френча и выбросил на стол несколько фотографий. Несомненно, они заранее были приготовлены для меня.

— Любуйтесь! — хрипло выкрикнул он.— Это будет отличный сюрприз королю!

Я взял эти фотографии в руки. Собственно говоря, это была одна фотография. На ней был снят я собственной своей персоной, я сидел у стола Эдингера и пересчитывал полученные мною банкноты, позади меня виднелся Эдингер, и не требовалось большого труда, чтобы разобраться в смысле этого снимка. Самый настоящий уличающий документ, который мог скомпрометировать кого угодно...

Теперь мне стало понятно присутствие чиновника, сопровождавшего щедрого господина Мюллера! Будь снят подлинный капитан Блейк и получи Интеллидженс сервис такой снимок, карьера Блейка быстро закончилась бы!

— Что еще нужно для того, чтобы держать вас в руках? — вызывающе спросил Эдингер.

Было необходимо как-то обезоружить этого господина...

Я задумался, затем понурил голову и, пользуясь самыми мрачными гамлетовскими интонациями, уныло произнес:

— Да, вы победили, господин Эдингер, я у вас в руках. Но я знаю, что теперь делать. Пуля в лоб — это единственное, что остается офицеру в моих обстоятельствах. Надеюсь, вы подарите мне эту ночь для того, чтобы я мог написать письма своим близким...

И, представьте себе, мой трагический тон подействовал на этого гестаповца!

Эдингер испугался, что я покончу с собой, сразу увял, переборол себя и еще раз показал, как важно было немцам заполучить агентурную сеть английской секретной службы.

— Хорошо, господин Блейк,— сказал Эдингер, понижая голос.— На этот раз я прощаю вам вашу шутку. Но помните, второй раз подшутить над собой я не позволю. Если вы хотите любоваться луной, покажите мне свои звезды.

— Вы их увидите, господин обергруппенфюрер,— меланхолично произнес я.— Но вы должны понимать, что агентов, которых вы хотите иметь, нельзя просто перечислить из одного ведомства в другое, их надо подготовить и предупредить, если вы хотите иметь от них какую-либо пользу. Одно дело — хористы и совсем другое — солисты, имеющие каждый свою неповторимую индивидуальность. Никто не может продать меня, кроме меня самого!

— Ну, хорошо, Блейк, хорошо,— сказал Эдингер, уже окончательно смягчась.— Мы верим вам и подождем, но только бросьте свою английскую фанаберию и не считайте нас детьми.

Эдингер отступал, и я мог сейчас что-нибудь от него потребовать.

— Наоборот, господин обергруппенфюрер, я буду вполне откровенен,— с готовностью произнес я.— Я даже буду просить вас о помощи. Я знаком не со всеми своими агентами, некоторые из них перешли ко мне еще от моего предшественника. Мне нужно лично проверить всю сеть, предстоят поездки, нужен подходящий шофер...

Эдингер благосклонно улыбнулся.

— Мы найдем вам...

— О, нет, благодарю вас,— поспешил я отказаться от его любезности. — Шофер у меня есть, нужно только ваше указание оформить без излишних придирок необходимые документы.

— А кто он? — поинтересовался Эдингер.

— Эмигрант из Эстонии,— сказал я.— Некто Виктор Петрович Чарушин.

— Русский? — подозрительно спросил Эдингер.

— Я вам скажу правду,— сказал я с таким видом, точно Эдингер принудил меня к признанию.— Это как раз один из тех агентов, которыми вы интересуетесь, он работал у нас по связи и принесет немало пользы, если будет находиться при мне.

— Англичанин? — быстро спросил Эдингер.

— Да, англичанин,— подтвердил я.— Но я не хотел бы...

— Я вас понимаю,— благосклонно согласился Эдингер.— В этом случае я могу пойти вам навстречу...

Он пообещал на следующий же день дать распоряжение без всяких проволочек оформить для моего шофера документы, и мы расстались, довольные друг другом.

На другой день я рассказал Янковской о своем визите.

Она интересовалась моим посещением Эдингеров во всех подробностях, и я, делясь с ней своими впечатлениями, с шутливой иронией отозвался между прочим и о показной роскоши хозяев и о самой госпоже Эдингер.

— Мещанство в самой махровой его разновидности!

— Как сказать! — зло возразила Янковская.— Чего стоит один их абажур!

— А что в нем особенного? — спросил я с недоумением.— По-моему, абажур как абажур, хотя, действительно, госпожа Эдингер очень им хвасталась!

— Да ведь он из человеческой кожи! — воскликнула Янковская.— Их изготовляют в каком-то из лагерей, и за ними сейчас в Германии гоняются все модницы из самого лучшего общества!

Я не сразу поверил...

— Да-да! — выразительно сказала Янковская.— А если попадается кожа с татуировкой, бюварам и абажурам нет цены!

Вот когда я вполне понял, что представляют из себя эти супруги...

Шакалы! Самые настоящие шакалы!

Впрочем, под личиной мещан сплошь да рядом прячутся именно такие хищники...

Вчерашний кофе показался мне не таким уж сладким...

Но Янковская тут же забыла об абажуре и перешла к обычным делам.

Согласие Эдингера выдать Чарушину документы ей явно не понравилось, она, кажется, снова начала подозревать, не подослан ли он самим Эдингером; его брань по адресу девушек вызвала у нее только усмешку, а требование Эдингера демаскировать агентурную сеть Интеллидженс сервис заставило серьезно задуматься.

— Эдингер повторяет ту же ошибку, которую совершил Блейк, он хочет владеть тем, что предназначено совсем не для него,— задумчиво сказала она.— Что ж, он сам лезет в петлю, которую не так уж трудно затянуть.

Продолжение следует.

Письмо Жюля Верна русскому мальчику

Amiens 12 Fev 98

Mon jeune ami, je vous remercie des souhaits que votre frère Michel et votre soeur Nathalie ont bien voulu m'adresser. Je vous embrasse tous les trois et de bon coeur

Jules Verne

В феврале 1898 года Жюлю Верну исполнилось 70 лет. Весь мир приветствовал этого чудесного писателя, которым никогда не перестанут зачитываться люди всех возрастов, восхищаться его смелыми мечтами.

Романами Жюля Верна увлекались, конечно, и мы, дети. Самым любимым был у нас роман «Дети капитана Гранта». И вот моя мать, владевшая французским языком, написала поздравление юбиляру от всей нашей семьи, а мы, дети, кто как умел, подписались под этим письмом. Мне шел тогда только восьмой год, и Жюль Верн ответил мне, самому младшему. Это было первое письмо, полученное мною в жизни! Я бережно храню его.

Но мне хотелось, чтобы и те молодые друзья, которых я не знаю и которые увлекаются капитаном Немо, капитаном Гаттерасом, Пятнадцатилетним капитаном, капитаном Грантом, веселым Паспарту, рассеянным Паганелем, увидели собственноручное письмо любимого нами автора, которого все мы читаем и перечитываем до старости лет.

Ф. ПЕТРОВСКИЙ

Г-ну Федору Петровскому
Воздвиженка, дом Шереметева 23
Москва

Амьен, 12 фев. 98

Мой молодой друг, благодарю Вас за пожелания, с которыми так любезно обратились ко мне Ваш брат Миша и Ваша сестра Наташа. Я обнимаю вас всех троих от всего сердца.

Жюль Верн

— Подстригите так же коротко, как и на прошлой неделе.

Денщик-подхалим.

Рисунки Арнольда Фауста. ФРГ.

— КТО СЪЕЛ ВАРЕНЬЕ?

Изошутка А. Львова.

Пещера в Словакии

В Словакии, недалеко от городка Ружомберока, в 1921 году один учитель открыл галерею подземных залов. Его привела сюда речка. Пещера, названная Деменовской, тянется на двенадцать километров.

...За спиной закрывается тяжелая дверь, вниз ведут ступени, и вот громадный зал. Своды его вырыты подземной рекой. Вода создала дивные сооружения. Медленно стекая по стенам, она осаждала соли, образуя каменные струи. Водопады различны по форме. «Водопад цветной капусты», например, целиком оправдывает свое название.

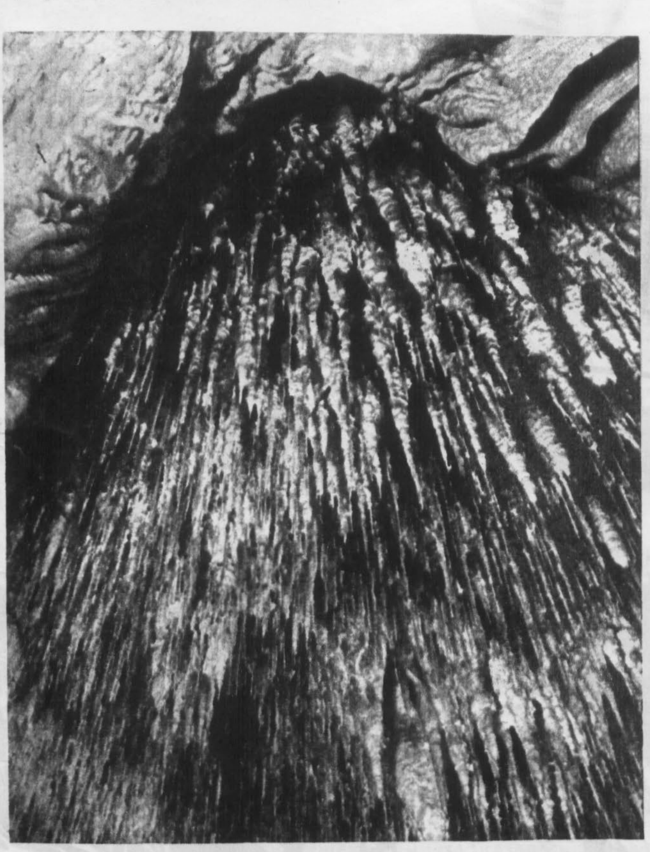
Сталактиты украшают потолки пещер, от пола поднимаются канделябрами сталагмиты. Два известковых столба разделены всего двумя миллиметрами. Но иссякла вода, и им уже не суждено срастись. Это «Столб вечной тоски».

В озере пещеры «Розовый дом» на воде лежат каменные кувшинки, и электрический свет, отражаясь от розового дна, делает их живыми. В другой пещере экскурсовод проводит каучуковой палочкой по столбикам сталактитов «Звенящие занавеси», и они звенят от прикосновения.

Самый прекрасный из залов назван по имени любимого героя словацкого народа Яношика — «Дом Яношика». Пещера украшена «пальмовым лесом» из сталагмитов. Под потолком небольшие известковые люстры окружают «Каменное солнце».

Наконец, последняя пещера — «Коридор медведей». Здесь когда-то были найдены кости медведей, которые явились одними из первых посетителей этого необыкновенного подземного дворца...

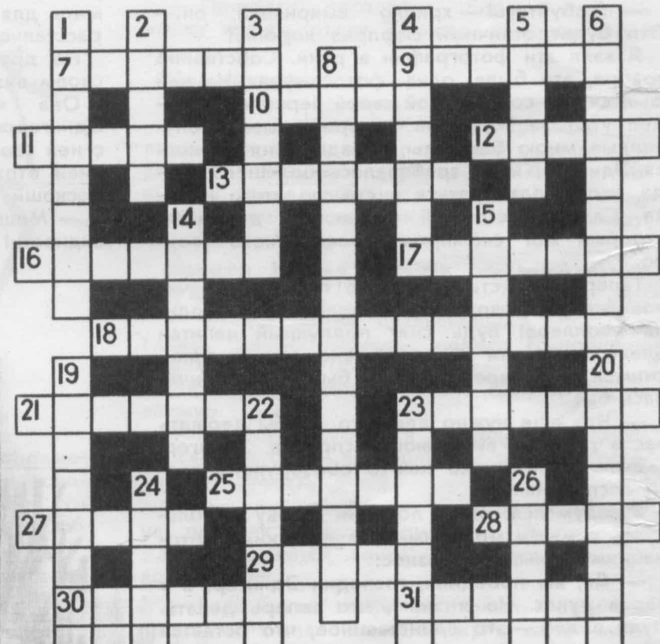
С. КУБЕЧКА

«Каменное солнце».

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин А. Иванова, две страницы рисунков А. Каневского и две страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Вид керамики. 9. Азербайджанский поэт XVI века. 10. Трава, отросшая после покоса. 11. Разумное основание, довод. 12. Толстая веревка. 13. Войсковое соединение. 16. Сорт хрусталя. 17. Река в Хабаровском крае. 18. Внедрение приборов, приспособлений и машин, заменяющих физический труд. 21. Древнейший вид танцевального народного искусства. 23. Наборная машина. 25. Город на Украине. 27. Насыпь из пустой породы. 28. Плавучее землечерпательное сооружение. 29. Силач. 30. Смешная сторона действия, происшествия. 31. Часть света.

По вертикали:

1. Мастер классической оперетты. 2. Созвездие. 3. Информация о текущих событиях. 4. Млекопитающее семейства дельфиновых. 5. Чистоуглеродистая сталь. 6. Музыкальный знак. 8. Работник тяжелой индустрии. 14. Въезд в город. 15. Бактерийный препарат. 19. Учение о звуковом составе языка. 20. Вьющееся ягодное растение. 22. Вид изобразительного искусства. 23. Русский живописец-пейзажист. 24. Полоска, обшивка по краю. 26. Старая мера длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

1. Моховик. 6. «Прозаседавшиеся». 9. Беркутов. 10. Вагранка. 12. Бирма. 16. Гималаи. 17. Сентимо. 18. Репродукция. 21. Марийка. 22. Канонир. 23. Шквал. 27. Нестеров. 28. Лонжерон. 29. Эквивалентность. 30. Таранто.

По вертикали:

1. Мрамор. 2. Ординар. 3. Каштан. 4. Трикотаж. 5. Эстафета. 7. Беллинсгаузен. 8. Аккомпаниатор. 11. Заметка. 13. Историк. 14. Мазурка. 15. Шеридан. 19. Кинетика. 20. Доблесть. 24. Вербена. 25. Корвет. 26. Борнео.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. Уразова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05456. Подписано к печати 2/VII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 438. Заказ № 1490.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Колхозные частушки.
Фото Г. Петрусова.

С выставки фотоискусства СССР.

Цена номера 3 руб.